

Муниципальное учреждение культуры
«НОВОМОСКОВСКАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА»
Центральная городская библиотека
Муниципальное образовательное учреждение
дополнительного образования
«ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР»

«Встань и ты
перед этим пророком
в благоговейном безмолвии...»

Материалы литературной трибуны,
посвящённой 185-летию со дня рождения
Л. Н. Толстого

1 октября 2013 г.

Тула
2014

83 (2Р-4Тул)
В-85

Редакционная коллегия:
Змеева С. Г., Пасько С. В.,
Польшина А. В. (отв. секретарь)

«Встань и ты перед этим пророком в благоговейном безмолвии...» : материалы литературной трибуны, посвящённой 185-летию со дня рождения Л. Н. Толстого / МУК «НБС», Центральная городская библиотека ; МБОУ ДО «Информационно-методический центр» ; редкол. : Змеева С. Г., Пасько С. В., Польшина А. В. (отв. секретарь). – Тула : Гриф и К, 2014. – 66 с.

Материалы сборника включают статьи, посвященные жизни и творчеству великого русского писателя Л. Н. Толстого. Сборник адресован ученым, преподавателям, учащимся, студентам, краеведам-любителям и всем, кого интересует биографией выдающегося земляка.

СОДЕРЖАНИЕ

Пасько С. В. Приветственное слово к участникам литературной трибуны	4
Польшина А. В. По толстовским местам Тульского края	5
Храпунова Г. И. «Родное и близкое» в жизни и творчестве Л. Н. Толстого и С. А. Есенина	24
Боев А. К. Толстой и Шекспир: коллизия двух гениев	28
Люкшинова В. Д. Лев Николаевич Толстой и кинематограф	41
Кашникова А., Лебедева Т., Мухотдинова Т., Мяснищева М., Коваленко Н., Садовская Н. В. Музыка в Ясной Поляне	48
Осюшкина А., Иванова Е. В. Нравственная чистота Марьи Болконской (по роману Л. Н. Толстого «Война и мир»)	55
Кулешова И., Зелинская Л. В. Нравственная и философская проблематика романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»	63

Приветственное слово к участникам литературной трибуны

*Пасько С. В., заместитель директора по
библиотечной работе МУК
«Новомосковская библиотечная
система»*

Среди многочисленных писательских имен, связанных с Тульским краем, есть одно, занимающее особое место, - имя великого русского писателя Льва Николаевича Толстого. В этом году исполняется 185 лет со дня его рождения. Этой дате мы посвящаем литературную трибуну, название которой - «Встань и ты перед этим пророком в благоговейном безмолвии...» - слова Владимира Немировича-Данченко.

Л. Н. Толстой внёс огромный вклад в историю мировой политики, педагогики и, несомненно, художественной литературы. Писатель, признанный ещё при жизни главой русской литературы, чьё творчество ознаменовало новый этап в развитии русского и мирового реализма, стал своеобразным мостом между традициями классического романа XIX века и литературой XX века. Лев Толстой оказал огромное влияние на эволюцию европейского гуманизма, а также на развитие реалистических традиций в мировой литературе.

Программа мероприятия отличается многообразием тем, широким спектром рассматриваемых проблем. Хочется верить, что выступления, которые прозвучат на литературной трибуне, надолго запомнятся всем участникам. И ещё не раз придут они в библиотеку за книгами Л. Н. Толстого, которые будут заставлять их думать о других, как о самом себе, понимать окружающих, а вместе с ними – и самого себя. Во внутреннем слиянии личности с другими и заключается, как говорил Л. Н. Толстой, главная привлекательная сила духовной миссии чтения.

Желаю литературной трибуне успешной работы, уверена, что она будет интересной и полезной.

По толстовским местам Тульского края

Польшина А. В., заведующая отделом краеведения Центральной городской библиотеки МУК «Новомосковская библиотечная система»

Среди многочисленных писательских имен, связанных с Тульским краем, есть одно, занимающее особое место, - имя великого русского писателя Льва Николаевича Толстого. В этом году исполняется 185 лет со дня его рождения.

В истории русской и мировой литературы можно найти немного примеров, когда художник всемирно-исторического значения был бы так органично связан со своим родным краем, прожил бы в нём так много лет, почерпнул бы столь обильно из его богатств и одарил бы его так щедро, как Толстой.

По собственным его словам, он трудно мог себе представить Россию и своё отношение к ней без своей Ясной Поляны, он не мог бы без неё «до пристрастия» любить своё отечество.

Ясную Поляну знают и любят миллионы людей на всём земном шаре. Ведь именно в Ясной Поляне прожил Толстой большую часть своей долгой жизни. Здесь он родился, здесь, в Старом Заказе, находится его могила.

В Ясной Поляне и её окрестностях Толстой, прежде всего, узнал с несравненной глубиной жизнь трудового народа, его нужды, заботы, его творчество, его сочный и меткий язык. В этом месте прошли детские годы Толстого, сюда приехал он в 1847 году, уйдя из Казанского университета. Здесь он безуспешно пытался улучшить положение своих крепостных крестьян. В Ясную Поляну Толстой вернулся весной 1856 года, после пребывания в армии на Кавказе и в Севастополе, и свил своё семейное гнездо, увлёкся хозяйством. Здесь развернулась общественная деятельность Толстого в качестве организатора школы и педагога, мирового посредника, а также по оказанию помощи — в самых

разнообразных видах и формах - нуждающимся в ней крестьянам.

Природа и быт Ясной Поляны, яснополянская семейная хроника, впечатления от жизни яснополянских крестьян вошли в художественную ткань толстовских произведений, отразились в его дневниках и письмах.

Бытовой уклад яснополянской семьи, люди, окружавшие Толстого в его детские годы, воспроизведены в трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность».

Будучи еще совсем молодым художником, Толстой запечатлел жизнь крестьян Ясной Поляны, типичную для всего русского дореформенного крестьянства, в незаконченном «Романе русского помещика» (изданные главы этого произведения известны под названием «Утро помещика»).

Семейная хроника Ясной Поляны дала Толстому богатый материал для художественного изображения жизни русского усадебного дворянства первых десятилетий XIX века в величественной эпопее «Война и мир».

Ясная Поляна, ее окрестности «живут» в «Анне Карениной» и многих других произведениях писателя. Здесь был создан роман «Воскресение», множество рассказов и повестей, публицистические статьи и трактаты.

В настоящее время Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» - один из крупнейших и значительнейших литературно-мемориальных музеев мира. Указом Президента Российской Федерации от 6 ноября 1993 года он включён в государственный фонд особо ценных объектов культурного наследия народов России.

В **Щекинском** районе, недалеко от Ясной Поляны установлено несколько памятников писателю: в деревне Ясная Поляна, у здания Тульской областной больницы № 2 имени Л. Н. Толстого и в Яснополянской школе.

Жизнь и деятельность великого писателя в Тульском крае не ограничивались Ясной Поляной, многие другие места земли Тульской хранят память о нём.

Долгие годы, прожитые Л. Н. Толстым в Ясной Поляне, были годами, проведенными в непосредственной близости от губернского города **Тулы**, с его крупными промышленными предприятиями, административными учреждениями, гимназиями и другими учебными заведениями, театром, цирком, концертными залами, магазинами, разнообразным составом населения: рабочими, ремесленниками, дворянами, чиновниками. В дневниках и письмах Л. Н. Толстого содержится множество упоминаний о Туле.

В пору увлечения педагогической деятельностью, в конце 50-х — начале 60-х годов, Л. Н. Толстой часто бывал в тульских мужской и женской гимназиях, сблизился с тульскими педагогами. Он стал участником педагогического кружка, бывал на квартирах педагогов, посещал гимназии, а тульские педагоги не раз бывали в Ясной Поляне. Толстой бывал здесь и в последующие годы в связи с обучением его сыновей Сергея, Ильи и Льва.

В декабре 1877 года на заседании губернского земского собрания и Тульской городской думы Толстой был избран почетным попечителем Тульского реального училища.

Есть основания полагать, что он посещал училище, здание которого сохранилось и поныне (угол Красноармейского проспекта и улицы Ленина), интересовался учебным процессом.

В 60-е годы в Туле, в доме генерала Тулубьева, Л. Н. Толстой встретился с дочерью А. С. Пушкина Марией Александровной Гартунг, черты внешности которой отразились в портрете Анны Карениной.

В 1868 году Л. Н. Толстой был избран присяжным заседателем Тульского окружного суда, присутствовал на судебных заседаниях.

В это время писатель плодотворно работает над романом «Воскресение». Материалы Тульского окружного суда, к которым не раз обращался Толстой, сыграли известную роль в творческой истории романа.

Прокурор Тульского окружного суда Н. В. Давыдов, с которым Л. Н. Толстой сблизился в 70-е годы, познакомил писателя с судебным делом крестьян Колосковых Чернского уезда Тульской губернии, рассматривавшимся также в Тульском окружном суде.

Оно явилось истоком драмы «Власть тьмы». «Фабула «Власть тьмы» почти целиком взята мною из подлинного дела, рассматривавшегося в Тульском суде», - говорил Л. Н. Толстой.

Прототипом главного героя одного из значительнейших произведений позднего периода творчества Л. Н. Толстого - повести «Смерть Ивана Ильича»(1886) - был член Тульского окружного суда Иван Ильич Мечников, брат выдающегося русского ученого-биолога.

Жизненная судьба тульского судебного следователя (в 70-е годы) Н. Н. Фридерихса нашла свое отражение в повести «Дьявол», написанной в 1889 году.

По инициативе Давыдова, большого любителя театрального искусства, в зале Дворянского собрания (сейчас Дом офицеров) 15 апреля 1890 года состоялось первое публичное представление комедии Л. Н. Толстого «Плоды просвещения», на репетиции которой 12 апреля присутствовал автор. В память об этом событии — посещении Л. Н. Толстым репетиции «Плодов просвещения» 12 апреля 1890 г. - на здании Дома офицеров установлена мемориальная доска. В том же зале Дворянского собрания в сентябре 1858 года на дворянском съезде Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев и А. С. Хомяков в числе группы прогрессивно настроенных дворян предложили освободить крестьян от крепостной зависимости с землей за выкуп. Впечатления от этого съезда отразились в картине дворянских выборов в «Анне Карениной».

Мемориальными досками отмечены и другие здания Тулы.

Дом бывшего губернского правления (проспект Ленина, 36) — в 1849—1851 гг. Л. Н. Толстой служил здесь в качестве канцелярского служителя Дворянского депутатского собрания.

Здание Московского вокзала (бывшего Курского), на котором Л. Н. Толстой встречал приезжавших к нему знакомых, в том числе И. С. Тургенева, Н. С. Лескова.

Здание педагогического института (ныне университета) на улице Менделеевской, где располагалась мужская классическая гимназия.

Здание областного суда (проспект Ленина, 45), где помещался Тульский окружной суд.

Дом Н. В. Давыдова (улица Гоголевская, 47). В доме Давыдова произошло знакомство писателя с К. С. Станиславским во время приезда в Тулу осенью 1893 года театрального коллектива московского «Общества искусства и литературы».

Туляки хранят память о великом писателе. Его именем названа одна из городских улиц, его имя носят Тульский педагогический университет и городская библиотека.

На проспекте Ленина (бывшая Киевская улица), центральной магистрали города, по которой много раз проходил и проезжал писатель, в 1973 году ему был открыт памятник (скульптор В. И. Буякин, архитектор А. Н. Колчин). Шестиметровая фигура писателя в полный рост, идущего широким шагом, установлена на низком постаменте - великий писатель приближен к людям, спешит к ним, в нём сочетаются грандиозность гения и простота, демократизм. Художественное решение монумента подсказано воспоминаниями Горького о писателе, в которых Л. Н. Толстой уподоблен страннику, идущему спешной походкой и всюду сеющему «живые зёрна неукротимой мысли».

В областном центре несколько памятников Л. Н. Толстому: в Тульском областном музее изобразительных искусств, около 4 корпуса

педагогического университета и внутри 4 корпуса, около гимназии № 4, в поселке Мясово.

Память о писателе бережно хранят города Тульской области. В **Черни** располагается символ края — скульптурный памятник «И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой» (авторы И. Студеникин, П. Шимес).

В городе **Щекино** установлено несколько памятников писателю: у здания железнодорожного вокзала и в поселке Первомайском, на улице Л. Толстого, около школы № 16.

В 1857 году Л. Н. Толстой приезжает в **Ефремов** на ярмарку, чтобы выбрать лошадей, настоящих рысаков. И останавливается в доме на Нижней Торговой площади (современной Красной площади), о чем до недавнего времени свидетельствовала мемориальная доска.

Л. Н. Толстой много раз бывал в селе **Сергиевском** Крапивенского уезда Тульской губернии (ныне **город Плавск**) по делам служебным и хозяйственным. В Плавске сохранилось здание ямщицкой избы 1840 года. Здесь останавливались Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, А. В. Сухово-Кобылин и другие выдающиеся люди.

Посещал писатель Сергиевскую больницу (ныне Плавская центральная районная больница). Построенная иждивением князя Сергея Сергеевича Гагарина-младшего, больница с лечебницей для проходящих больных в имении его, селе Сергиевском, почти полтора столетия исправно служит делу сохранения народного здоровья. Эпизод строительства больницы в Сергиевском отражен в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина», а больница князя Гагарина явилась прототипом больницы Вронского. Лев Николаевич и князь Гагарин – оба работали в крапивенском земстве, чьи земские учреждения тогда были в Сергиевском. Таким образом, писатель мог получать информацию о больнице из первых рук учредителя и видеть ход ее строительства. Отсюда удивительное сходство некоторых моментов в романе с реальными фактами.

Писатель был знаком с купцами Черемушкиными из села Сергиевского, неоднократно бывал в их доме,

который был снесён городскими властями города Плавска в девяностые годы XX века, хотя и относился к памятнику архитектуры. Основатель купеческой династии Борис Филиппович Черемушкин — поддерживал очень тесные деловые и коммерческие связи с графом Л. Н. Толстым. В романе «Анна Каренина» писатель выводит купца Черемушкина под именем купца Рябина.

Бывал Лев Толстой и в **Богородицке**, в усадьбе графов Бобринских. Ему нравилось посещать этот чудесный уголок, бродить по аллеям старинного парка, гостить в роскошном дворце. Писатель на века прославил Богородицкое поместье в своём романе «Анна Каренина», превратив его во владение Вронского Воздвиженское.

Посещал Л. Н. Толстой и уездные города **Алексин**, **Белёв**, **Епифань**, **Одоев**, многочисленные деревни, сёла, хутора Тульской губернии.

Примечательное место в ближайших окрестностях Ясной Поляны — кладбище близ **Кочаков** (теперь посёлок Временный).

Это семейное кладбище Волконских и Толстых, где похоронены прежние владельцы Ясной Поляны, родители писателя Н. И. Толстой и М. Н. Толстая-Волконская, жена Льва Николаевича Софья Андреевна, скончавшаяся в 1919 году, братья писателя Сергей и Дмитрий, его свояченица Т. А. Кузминская, многие из детей Толстых и других близких родственников и знакомых писателя. Кочаковское кладбище является единственным семейным некрополем Толстых. Кроме того, оно вместе с церковью представляет ценный историко-архитектурный ансамбль более чем 300-летней давности.

Л. Н. Толстой не раз посещал деревню **Казначеевку** (вблизи Ясной Поляны), её жители часто обращались к писателю за помощью. Здесь жил крестьянин Афанасий Николаевич Агеев (1851—1908), который работал некоторое время в Туле, общался с тульскими печатниками, проникся революционным духом. Решив посоветоваться с Толстым о том, как «добыть волю народу», он пришел в Ясную Поляну, много раз бывал

там, беседуя с великим писателем. В 1899 году Агеев работал весовщиком на Московско-Казанской железной дороге, рассказал Толстому об ужасных условиях труда грузчиков. Толстой ездил на товарную станцию, убедился в справедливости слов Агеева, под влиянием этого написал статью «Рабство нашего времени». Вскоре Агеев был привлечен к суду за богохульство и отправлен в Сибирь. Л. Н. Толстой делал всё возможное для облегчения его участи, писал о нём известнейшим адвокатам России, добился его возвращения на родину. Однако дни Агеева были уже сочтены: развившийся в ссылке туберкулез был причиной его скорой кончины. Имя Афанасия Агеева много раз упоминается в дневниках и записных книжках Л. Н. Толстого, в его статьях.

Неподалеку от города Щекина, близ деревни **Озерки**, находится обелиск с надписью: «Здесь покоится тело солдата Шабунина, расстрелянного 9 августа 1866 года. Защитником его на суде был Л. Н. Толстой». Василий Шабунин — солдат 65-го пехотного полка, в 1866 г. расквартированного в деревне **Ясенки**, рядом с Ясной Поляной. Он был предан военно-полевому суду за то, что ударил ротного командира, будучи доведен до отчаяния его издевательствами. Толстой принял горячее участие в деле Шабунина, выступил на суде в его защиту, однако Шабунин был расстрелян перед строем полка. «Случай этот, - писал Толстой о деле Шабунина своему биографу П. И. Бирюкову в 1908 г., - имел на всю мою жизнь гораздо более влияния, чем все кажущиеся более важными события жизни...».

Село Ясенки Крапивенского уезда Тульской губернии неоднократно посещал Лев Толстой. Когда была построена железная дорога, появилась станция Ясенки (сейчас станция Щекино). В Щекинском районе и сейчас есть небольшая деревня Ясенки.

В своих дневниковых записях Л. Н. Толстой отмечал следующие посещения этого села:

9.03.1891 — «Писем выдающихся не было. Вчера ездил в Ясенки».

1.04.1891 — «Сейчас ездил в Ясенки».

18.08.1891 — «Вчера ездил в Ясенки».

25.02.1891 — «Жив... Говорю, думаю, но не работаю.

Написал письма, ездил в Ясенки».

20.09.1894 — «Четвертого дня ходил с детьми в Ясенки».

8.10.1894 — «Перед обедом ездил в Ясенки, хоть немного, но работал — продвинулся во второй части».

26.10.1894 — «Вчера ездил в Ясенки, утром писал письма к Розен и англичанину, а нынче тоже».

В деревне **Овсянниково**, находящейся в шести километрах от Ясной Поляны, прошли последние годы жизни Марии Александровны Шмидт (1844-1911), единомышленницы и друга Л. Н. Толстого. В 80-е годы Овсянниково принадлежало старшей дочери Л. Н. Толстого Татьяне Львовне, которая в своих воспоминаниях рассказывает о приездах туда, о М. А. Шмидт. После одного из многочисленных посещений Овсянникова Л. Н. Толстой сделал в дневнике примечательную запись: «Смотрел, подходя к Овсянникову, на прелестный солнечный закат. ...И думал: нет, этот мир не шутка, не юдоль испытания только и перехода в мир лучший, вечный, а это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для тех, кто после нас будет жить в нем».

В жизни Л. Н. Толстого многое связано с селением **Косовом (Косая Гора)** и прилегающим к нему селцом **Судаково** - в районе теперешнего Косогорского металлургического завода, который расположен по дороге из Тулы в Ясную Поляну.

Судаково - имение Владимира Михайловича Арсеньева, сестра которого и ее муж - Ю. М. и И. М. Огаревы - не раз гостили в Ясной Поляне в годы детства будущего писателя. Л. Н. Толстой бывал в Судакове в 1856-1857 гг. по возвращении с армейской службы, в эти годы он пережил серьезное увлечение Валерией

Владимировной, старшей дочерью В. М. Арсеньева, едва не приведшее к браку.

Сохранилось 18 писем Толстого, адресованных В. В. Арсеньевой. Однако Л. Н. Толстой убедился в том, что Арсеньева глубоко чужда его духовному миру. Эти отношения нашли своё отражение в романе «Семейное счастье».

В Судакове и его окрестностях Л. Н. Толстой бывал и в последующие годы. Об этих посещениях идет речь в его письмах, дневниках, записных книжках. Писатель много помогал крестьянам этих мест, заботился об их судьбе. Старое Киевское шоссе, проходившее мимо Судаковского (теперь Косогорского) завода, было для Л. Н. Толстого «большим светом», местом его встреч с простыми людьми. Л. Н. Толстой посещал Судаковский завод, писал о нём в статье «Неужели это так надо?». Во время посещения завода 13 июня 1897 года Л. Н. Толстой и его семья долго ходили по заводскому двору, наблюдали за работой машин, доменных печей, обслуживающих их людей, смотрели, как «красной лавой лился страшный, красный, раскаленный чугун». Когда возвращались домой, Л. Н. Толстой, по свидетельству его внучки Анны, «всю дорогу говорил, восхищался и ужасался». В этот день С. А. Толстая впечатления о посещении завода в своем дневнике изложила так: «Очень интересно, но грустно смотреть на этот ад, в котором день и ночь жарятся люди».

Неподалеку от Ясной Поляны расположена небольшая деревня **Телятинки**. Л. Н. Толстой часто бывал здесь по делам посредничества, помощи голодающим крестьянам у А. Н. Бибикова, соседа-помещика, с которым находился в приятельских отношениях.

Некоторое время частью Телятинок владела младшая дочь писателя — Александра Львовна, а затем единомышленник Толстого Владимир Григорьевич Чертков.

В произведениях Толстого упоминаются фамилии телятинских крестьян (иногда слегка изменённые), по тем

или иным признакам узнаётся эта хорошо знакомая писателю деревня в рассказах «Тихон и Маланья», «Идиллия», «Хозяин и работник», в драме «Власть тьмы». Самоубийство Анны Степановны Пироговой, экономки Бибикова, нашло отражение в романе «Анна Каренина». По свидетельству С. А. Толстой, оно навело Толстого на мысль о финале его романа и дало имя героине. По просьбе молодежи, жившей в доме В. Г. Черткова, Л. Н. Толстой написал пьесу «От ней все качества», которая была сыграна в любительском спектакле для крестьян.

В Телятинках жили личные секретари Л. Н. Толстого Николай Николаевич Гусев и Валентин Федорович Булгаков.

Во времена Л. Н. Толстого Ясная Поляна входила в Крапивенский уезд. Писатель часто бывал в **Крапивне**, посещал её учреждения. В 1861 году он был избран на должность мирового посредника по четвертому участку Крапивенского уезда, многое сделал для защиты крестьянских интересов, чем вызвал недовольство местных помещиков.

На своём участке писатель открыл более двадцати школ. В 1874 году он был избран членом училищного совета и помощником уездного предводителя дворянства, многое сделал для народного образования в уезде.

Некоторое время Л. Н. Толстой являлся присяжным заседателем, посещал в Крапивне суд, тюрьму, делал всё возможное для смягчения участи обвиняемых крестьян.

В 1907 году писатель навещал в Крапивенской тюрьме своего личного секретаря Н. Н. Гусева, заключенного в нее за распространение запрещенных правительством толстовских произведений.

В 90-е годы писатель оказывал помощь голодавшим в Крапивенском уезде, на материале подлинных жизненных впечатлений этого времени написал статью «О голоде». Впечатления, почерпнутые в Крапивне и ее окрестностях, отразились и в других произведениях Толстого: повести «Фальшивый купон», рассказе «Хозяин и работник».

В Крапивенском уезде находилось **Пирогово** — одно из имений Толстых.

По отдельному акту 1847 года между братьями Толстыми Пирогово перешло к Сергею Николаевичу Толстому и сестре Марии Николаевне. Л. Н. Толстой множество раз посещал Пирогово, начиная с детских лет.

Здесь он начал писать «Историю вчерашнего дня», здесь возник замысел «Отъезжего поля». Впечатления от посещения Пирогова отразились в «Поликушке», в «Воспоминаниях». В Пирогове в 1890 году Л. Н. Толстой работал над «Послесловием» к «Крейцеровой сонате». Поблизости от Пирогова в июле 1896 года увидел Л. Н. Толстой куст татарина (репья) со сломанными отростками, один из которых жил и цвёл. «Напомнил Хаджи-Мурата, — записал Толстой в дневнике. — Хочется написать. Отстаивает свою жизнь до последнего, и один среди всего поля, хоть как-нибудь, да отстоял её!». В Пирогове писатель работал над романом «Воскресение», драмой «Живой труп», здесь был намечен сюжет рассказа «После бала», проходила работа над статьями «Рабство нашего времени», «Патриотизм и правительство», «Одумайтесь!», «Единое на потребу», «Конец века», «О значении русской революции», над «Кругом чтения».

Толстой со своими близкими выезжал в Пирогово и окрестные деревни в начале 90-х годов, во время голода, помогал голодавшим крестьянам и погорельцам.

Начиная с 1899 года в Пирогове жила дочь писателя Мария Львовна (Оболенская). Приезжая в Пирогово, Л. Н. Толстой останавливался у дочери. Упоминания об этом имении мы находим в письмах и дневниках писателя 1910 года.

В селе Долгое Крапивенского уезда располагался дом, в котором 28 августа (9 сентября) 1828 года родился Л. Н. Толстой. Владельцу села Долгое, помещику Гвоздеву, Л. Н. Толстой продал свой дом для оплаты карточного долга. Писатель очень часто ходил пешком из Ясной Поляны в это село, чтобы просто посмотреть на тот дом,

так как он очень его любил и тяжело с ним расстался. Дом пришёл в ветхость и был разрушен в 20-х годах XX века. Сейчас на том месте, где он был и откуда продан (вывезен), в музее-усадьбе «Ясная Поляна» стоит памятный знак — простой белый камень.

Деревня **Козловка** (Тульский уезд, Тульская губерния). Л. Н. Толстой часто бывал здесь. Об этом сохранились следующие дневниковые записи:

8.10.1891 — «Вечером написал восемь писем и свёз на Козловку».

1.10.1892 — «Всё то же: то же упорство труда, то же медленное движение и то же недовольство собой. Впрочем, немного лучше. Нынче ездил на Козловку».

6.09.1894 — «До обеда ездил на Козловку. Утром писал, всё немного подвигаясь».

20.09.1894 — «Три дня не писал, сегодня 20. Вчера ещё я ездил в Козловку».

24.09.1894 — «Во втором часу ходил с лопатой на Козловку и там чинил дорогу».

8.10.1894 — «Вчера утром писал, ездил на Козловку».

3 и 4.10.1909 — «Ходил до Козловки».

Станция **Козлова Засека** Московско-Курской железной дороги. Эта станция связана с Л. Н. Толстым, так как он в качестве своего почтового адреса указывал следующее: «Тульская губерния, Тульский уезд, станция Козлова Засека». Здесь Л. Н. Толстой стал свидетелем трагедии: женщина попала под проходящий поезд. Этот случай послужил ему материалом для романа «Анна Каренина».

Летом 1893 года на станции Козлова Засека Л. Н. Толстой встречается с тульским оркестром гармонистов под управлением изобретателя хроматической гармонии туляка Н. И. Белобородова. «Здесь же на поляне около станции состоялся импровизированный концерт. Толстой с большим вниманием прослушал несколько песен и сердечно поблагодарил гармонистов».

Поездки Л. Н. Толстого и его семьи в Москву, как правило, осуществлялись через Козлову Засеку. Последний раз Лев Николаевич уезжал с Козловки 15 августа 1910 г. в Кочеты - имение своей старшей дочери Татьяны Львовны. Когда писатель умер, его тело на траурном поезде привезли на станцию Козлова Засека со станции Астапово. Затем гроб несли на руках в Ясную Поляну.

Интересен факт, что станция Козлова Засека в 1928 году к 100-летию со дня рождения Л. Н. Толстого была переименована в Ясную Поляну. Название станции перешло на прилегающую местность.

В 2001 году по инициативе руководства Московской железной дороги на станции были проведены большие реставрационные работы с использованием старых чертежей и 9 сентября - в день рождения Л. Н. Толстого - состоялось торжественное открытие станции-музея, которой было возвращено её старое название – «Козлова Засека». Здесь были проведены колоссальные работы по реконструкции, позволившие вернуть станционному комплексу Козловой Засеки исторический облик. Сейчас музейно-вокзальный комплекс «Козлова Засека» включает привокзальную территорию с железнодорожной платформой, вокзал, выставку «Железная дорога Льва Толстого», сувенирную лавку, автостоянку.

На станции Козлова Засека установлен памятник писателю.

Деревня **Прилепы** (Тульский уезд, Тульская губерния). Л. Н. Толстой ходил в это поселение на конезавод, чтобы выбирать и покупать лошадей. Прилепы сыграли роль не только в биографии Л. Н. Толстого, но и в его творчестве. Небезызвестен факт, что внешний облик Анны Карениной был списан с дочери А. С. Пушкина, Марии Александровны Гартунг, которая в 60-х годах XIX века, будучи супругой владельца конезавода Гартунга, жила в Прилепах.

Стараниями помещика, коннозаводчика, коллекционера, потомственного дворянина Якова

Ивановича Бутовича конный завод и созданный им уникальный Музей Лошади в Прилепах приобрели славу одного из лучших в дореволюционной России. В 1927 году завод был ликвидирован, а музей расформирован. В настоящее время прекрасное здание уникального Музея Лошади, выполненное в стиле ампира, сохранилось. Сейчас здесь находится контора действующего Прилепского конезавода.

Село **Рудаково** (Тульский уезд Тульской губернии). Это село связано с Л. Н. Толстым потому, что писатель посещал Рудаково по дороге в Тулу. Известно, что он приходил сюда 14 июля 1910 года — смотрел у местного помещика дом, который он хотел купить для Марии Александровны Шмидт (1844-1911), единомышленницы и друга, так как её изба пострадала от пожара.

Сельцо **Тиханское** (Тульский уезд Тульской губернии). В это сельцо Л. Н. Толстой заходил по той же причине: смотреть дом, который он хотел купить для М. А. Шмидт. Сейчас это часть Центрального района города Тулы.

Многочисленные деревни и сёла в окрестностях **Куликова поля** Епифанского уезда Л. Н. Толстой посещал неоднократно связи с голодом, который охватил крестьянское население южных уездов Тульской губернии и примыкающих к ним районов соседних губерний после неурожая 1891 года. Тогда жители этих мест оказались на грани голодной смерти. Епифанский уезд был одним из наиболее пострадавших. Л. Н. Толстой принял самое деятельное участие в оказании помощи страждущим. В «Отчете о деятельности благотворительных учреждений и частных лиц по пособию пострадавшему от неурожая населению Тульской губернии» указано: «Выдающейся в среде частной благотворительности по Епифанскому уезду следует признать деятельность графа Льва Николаевича Толстого и двух дочерей его - графинь Татьяны и Марии Львовны. Открыв первоначально свою деятельность по Данковскому уезду Рязанской губернии под руководством покойного Ивана Ивановича Раевского,

граф Толстой открывает до настоящего времени 30 бесплатных столовых в 12 селениях Никитской волости, 6 селениях Рыхотской волости и 6 селениях Хованской волости, а всего в 24 селениях, где ежедневно довольствуются горячей пищей 1175 душ...». Безусловно, непосредственное участие в помощи страдающему от голода населению всемирно известного писателя не могло не привлечь внимание многих более или менее состоятельных людей, которые направляли средства на оказание этой помощи как благотворительным учреждениям, так и непосредственно Л. Н. Толстому. Писатель своим личным примером привлёк очень многих не только к пожертвованиям, но и к практической организации помощи. Без сомнений, эта помощь как средствами, так и непосредственным участием в доведении её до страждущих, оказанная Л. Н. Толстым в 1891 - 1892 гг., спасла не одну жизнь жителей Елифанского и соседних с ним уездов.

Ряд мест связан с памятью о Л. Н. Толстом в Чернском районе. В их числе - **Никольское-Вяземское**, родовое имение Толстых, принадлежавшее в XVIII веке Н. И. Горчакову - прадеду писателя. При разделе 1847 года село стало принадлежать Николаю Николаевичу Толстому - старшему брату писателя, - а после его смерти перешло к Л. Н. Толстому.

В начале 90-х годов оно перешло во владение Сергея Львовича, старшего сына великого писателя. «Достаточно проехать или лучше пройти из Ясной Поляны через Пирогово в Никольское-Вяземское, - пишет Илья Владимирович Толстой, правнук великого писателя, - побродить в окрестностях бывших имений трех братьев Толстых, чтобы не только увидел те самые поля и леса, овраги и отвершки, болота и озера, где Лев Николаевич скакал на коне, травил зайцев, лисиц и волков, стрелял дичь, но и въяве представить себе многие описания, пейзажи и эпизоды, известные нам по произведениям Толстого. Достаточно увидеть эти места, чтобы испытать радость встречи с чем-то дорогим и близким».

Бывая в Никольском-Вяземском, Л. Н. Толстой оказывал помощь местным крестьянам, занимался хозяйством, охотился.

Вместе с семьёй он провёл здесь лето и часть осени 1865 года, читал своим семейным и навестившему его поэту А. А. Фету главы из создававшегося тогда романа «Война и мир».

Описание имения Ростовых Отрадного напоминает Никольское-Вяземское. Оно узнаётся в изображении дальней деревни (роман «Воскресение»), где Нехлюдов предлагает крестьянам свой земельный проект. В Никольском-Вяземском Л. Н. Толстой работал над повестью «Хаджи-Мурат», статьёй «Голод или не голод?».

В 90-е годы в окрестностях Никольского-Вяземского писатель помогал голодающим, открывал для них столовые. В Никольском-Вяземском Л. Н. Толстой встречался с высоко ценимым им «крестьянским художником» Н. В. Орловым.

Второе рождение переживает родовое имение Толстых Никольское-Вяземское в настоящее время. Земли, на которых оно расположено, были отведены Тульскому машиностроительному заводу имени М. В. Рябикова. Рабочие и сотрудники завода не только оживили и благоустроили эти земли, но и по сохранившимся чертежам, фотографиям, описаниям очевидцев восстановили дом Толстых, который стал домом-музеем. Здесь установлен памятник Л. Н. Толстому работы народного художника России Ю. Л. Чернова, построены Дом культуры, книжный магазин, трапезная храма Успения Богородицы, возведенного отцом писателя Н. И. Толстым в 1836 году, открыта библиотека.

На территории музея-усадьбы установлен памятник Л. Н. Толстому. Ежегодно в Никольском-Вяземском проводятся толстовские праздники, научные конференции.

Покровское - небольшая деревня в 10 км северозападнее поселка Чернь, в 80 км от Ясной Поляны. Покровское было одним из родовых имений

разветвлённого рода Толстых и в конце XVIII в. принадлежало двоюродному дяде писателя П. И. Толстому. За его сына Валериана Петровича в 1847 году вышла замуж родная сестра писателя Мария Николаевна. У неё часто гостили Лев Толстой, Иван Тургенев, Антон Дельвиг. Иван Сергеевич Тургенев посвятил Марии Николаевне свою повесть «Фауст». В Покровском сохранился дом Толстых, который в 2001 году был приобретён музеем-усадьбой «Ясная Поляна» в качестве филиала.

Деревня **Гриневка** — бывшая усадьба сына Л. Н. Толстого, Ильи Львовича. Деревня находится в 7 км от Никольского-Вяземского. Писатель часто бывал здесь по делам организации столовых для крестьян в голодный 1898 г. Сохранились липовые аллеи толстовского парка, яблоневый сад, пруд.

На юге Тульской губернии, в Новосильском уезде (сейчас в составе Орловской области), находилось еще одно место, связанное с Л. Н. Толстым, — **Кочеты**.

Это имение М. С. Сухотина - мужа Татьяны Львовны, дочери великого писателя. Л. Н. Толстой часто навещал свою дочь в Кочетах, подолгу гостил у неё, охотился.

О Кочетах писатель упоминает во многих своих письмах, здесь проходила работа над рассказом «Нет в мире виноватых».

На материале кочетовских впечатлений написана пьеса «От ней все качества».

Невозможно перечислить все те места бывшей Тульской губернии, где побывал Л. Н. Толстой, куда приезжал или приходил он по самым различным надобностям: навестить близкого человека, помочь голодающим крестьянам, хлопотать об открытии новой школы, по хозяйственным вопросам, для посадки лесов и садов, на охоту, по общественным обязанностям в качестве мирового посредника или присяжного заседателя, во время пешеходных путешествий в Оптину пустынь или из Москвы в Ясную Поляну, на прогулках по

старому Киевскому шоссе, пересекавшему Тульскую губернию и проходившему вблизи Ясной Поляны!

Наше своеобразное путешествие по местам, где бывал великий писатель, подходит к концу. Мы совершили путешествие в его внутренний мир, увлекательнейший, огромный по своей масштабности мир творческих исканий, идей и образов, философских раздумий. Каждое посещение писателем того или иного села или города, каждая встреча с тем или иным человеком не проходили для него бесследно, отлагались в сокровищнице его памяти, обогащали его творческое сознание, воздействуя, вместе с тем, и на окружающих его людей.

Л. Н. Толстой многое взял из жизни Тульского края, из впечатлений, почерпнутых здесь, - и для своих художественных произведений, и для публицистических, нравственно-философских статей и трактатов, и для всего своего богатейшего художественного мира. Он исключительно щедро одарил родной край. И туляки гордятся своим земляком - гениальным писателем, наследие которого относится к числу непреходящих общечеловеческих духовных ценностей.

Литература

1. В поисках зелёной палочки / ред.-сост. : В. В. Зайцева, В. Г. Зябрева, П. М. Симиновский. – Тула : Гриф и К, 2004. – 124 с. : ил.
2. Куликово поле : Большая иллюстрированная энциклопедия / под общ. ред. В. П. Грищенко. – Тула : Куликово поле, 2007. – 742 с. : ил.
3. Л. Н. Толстой в Тульском крае : сборник статей / сост. : Н. Г. Иванова, В. А. Лебедева, С. Г. Бунин. – Тула : Приок. кн. изд-во, 1978. – 231 с. : ил.
4. Милонов, Н. А. Русские писатели и Тульский край : очерки по литературному краеведению / Н. А. Милонов. – 3-е изд., доп. и перераб. – Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2002. – 305 с 6 ил, фото. – (Страницы минувшего).
5. Пузин, Н. Дом-музей Л. Н. Толстого в Ясной Поляне / Н. Пузин. – [б. м.] : Издат. дом «Ясная Поляна», 2008. – 140 с. : ил., фото.
6. Пузин, Н. Кочаковский некрополь / Н. Пузин. – Тула : Приок. кн. изд-во, 1988. – 32 с. : ил., фото.

«Родное и близкое» в жизни и творчестве Л. Н. Толстого и С. А. Есенина

Храпунова Г. И., *заслуженный*
учитель школы Российской Федерации

Толстой – это целый мир
М. Горький

Но более всего
Любовь к родному краю
Меня томила,
Мучила
И жгла.

С. Есенин

Скажите, кто-нибудь из сидящих в этом зале задумывался над вопросом «Есть ли общее в жизни и творчестве Л. Н. Толстого, нашего земляка, и С. А. Есенина, рязанского поэта? А учащиеся гимназии № 13 заинтересовались этой темой, и Горина Олеся озаглавила свою работу так: «Родное и близкое» в жизни и творчестве Л. Н. Толстого и С. А. Есенина».

В ней она исследует, какова роль Ясной Поляны, родины Толстого, в его жизни и творчестве и каково значение села Константиново в судьбе Есенина, их отношение к матери, к «братьям нашим меньшим», к А. С. Пушкину.

Работа Олеси передо мной. Цитирую: «Мы с одноклассниками посетили Ясную Поляну и Константиново. Под впечатлением экскурсий и возникло решение написать свои размышления о том, что общее в жизни и творчестве двух таких разных мастеров слова. Почему охватывает волнение, когда бываешь в этих музеях?»

Согласимся с утверждением: «Тот, кто хоть раз побывал в этих местах, непременно будет возвращаться туда хотя бы в мыслях – так велика притягательная сила этих уголков России.

Сын писателя С. Л. Толстой отмечал: «Ясная Поляна не только то место, где родился Толстой, где он прожил большую (из 82 лет) часть своей жизни, где была написана

Слишком были такими Отзвучавшие в сумрак года.
недавними

Из двух окон видна красавица Ока. За окном двор, сад, рябина и две липы («Тихо август прилёт ко плетню, держат липы в зеленых лапах птичий гомон и щебетню», «Горит костер рябины красной...»).

Под окном - берёзка.

Белая береза под моим окном

Принакрылась снегом, точно серебром...

Известно, что берёза - любимое дерево Есенина...

Зелёная прическа, девическая грудь,

О тонкая березка, что загляделась в пруд...

Нельзя не обратить внимание на шушун, одежду матери, маму он любил и посвятил много стихотворных строчек.

Ты жива еще, моя старушка,

Жив и я. Привет тебе, привет!

Пусть струится над твоей

избушкой

Тот вечерний несказанный

свет...

А у этой избы тополь, посаженный Есениным в 1924 году, приветливо встречает Есенинских гостей.

Несомненно, родина и Толстого, и Есенина - соавторы их творчества. Вспомним описание деревенской усадьбы Левина («Анна Каренина»), и страницы трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность». А вот знакомые строчки из «Войны и мира»: «Проезжая мимо пруда, ...князь Андрей заметил, что на пруде никого не было, и оторванный плотик, до половины залитый водой боком плавал посередине пруда...».

Да, разные судьбы, неодинаковый образ жизни: граф и крестьянский сын, усадьба и деревенский дом...

Изда крестьянская

Хомутный запах дегтя

Божица старая

Лампады кроткий свет

Но роднит их и любовь к музыке, к песне. Есенин и его сёстры, постоянным спутником которых с колыбели была материнская песня, сами приобщались к песенному слову. «Ты напой мне ту песню, что прежде напевала нам старая мать», - взволнованно писал поэт, обращаясь к сестре Шуре. А Лев Николаевич Толстой маму помнит смутно (она умерла, когда ему не было еще и трех лет). Место в самой глуши сада на маленьком мостике,

перекинутом через узкое болотце, и беседку - вышку в парке он знал как любимые места своей умершей в молодости матери. В дневнике Толстого читаем: «Нынче утром обхожу сад и, как всегда, вспоминаю о матери, которая осталась для меня святым идеалом».

Одинаково у них и отношение к «братьям нашим меньшим». Вспомним знакомые нам с детства трогательные рассказы Л. Н. Толстого: «Лев и собака», «Акула», «Орел»...

Об истории написания рассказа «Холстомер» вспоминает И. С. Тургенев (Толстой Л. Н. «Рассказы», стр. 173).

А с какой искренней любовью пишет Есенин о корове, о лисице, о собаке...

Рассматривает Олеся и отношение Толстого и Есенина к А. С. Пушкину.

Известно, что Пушкин и Толстой находились в отдаленном родстве. Их общим предком был боярин Иван Михайлович Головин. Но духовное родство двух гениев было более близким, чем родство по крови. Очень нравилось писателю стихотворение «К морю». Для него море-символ свободы. Созерцание морских просторов приводит Толстого к раздумью о своей судьбе.

Интересны воспоминания секретаря Толстого Н. Н. Гусева о разговоре с великим писателем: «Я сегодня был слаб, не мог заснуть и всё время читал - никто не догадается, что... «Евгения Онегина!» И всем советую его прочесть. Удивительное мастерство... Письмо Татьяны!..»

Об отношении Есенина к Пушкину известно всем. Поэтому неслучайно, когда гроб с телом убитого в Ленинграде Есенина привезли в Москву, трижды обнесли его вокруг памятника Пушкину, читали стихи Есенина и, конечно, Пушкина.

И снова цитирую работу Гориной: «Покидая Ясную Поляну, мы с одноклассниками перелистали «Книгу отзывов». Вот один из них: «Ясная Поляна - это Россия. Россия - это жизнь. Вот почему нельзя не любить Ясную Поляну». А в Константиново на нас произвела

впечатление запись: «Когда я увидел простреленные Есенинские книги, с запекшейся кровью, я ещё раз убедился в том, как Есенин нам дорог: с ним шли в бой!»

Да, никогда не зарастет «народная тропа» и в Ясную Поляну и в Константиново, потому что великим талантам мы приносим свою любовь, благодарность и преклонение.

Таковы размышления Гориной Олеси, выпускницы гимназии № 13, и такова моя интерпретация этой работы.

Толстой и Шекспир: коллизия двух гениев

Боев А. К., литератор

В литературном наследии Льва Толстого есть одна работа, которую большинство историков литературы, исследователи творчества яснополянского старца стараются дружно не замечать. Несмотря на то, что число цитирований и ссылок на нее огромно, сколько-нибудь вдумчивых оценок очень немного. Если литературоведы и упоминают о ней, то все больше как-то вскользь, мимоходом. Это «критический очерк», как называл его сам автор, «О Шекспире и о драме», который был написан в период с сентября 1903 по январь 1904 года. При этом сам Толстой считал тему своей работы очень важной и отнесся к ней с большим вниманием и основательностью.

Обстоятельства появления её на свет таковы. В 1903 году американский литератор Эрнест Кросби попросил Толстого написать предисловие к своей брошюре «Отношение Шекспира к рабочему классу» (Shakespeare's Attitude to the Working Classes). Тогда Кросби, наверное, даже не подозревал, что вольно или невольно затронул струну, к которой Толстой избегал прикасаться, и которую оберегал в течение многих даже не лет, а десятилетий. Толстой ответил согласием и предполагал написать лишь краткое предисловие к статье Кросби. Однако в процессе работы предисловие, по выражению Толстого, «переросло статью Кросби» и превратилось в большую работу о творчестве Шекспира. Вот выдержка из письма к В. Г. Черткову 6 октября 1903 г.: «Занят теперь очень неожиданной работой, которая вот уже скоро месяц

отвлекла меня от моих более нужных работ. Это начатое мною предисловие к статье Crosby об отношении Шекспира к рабочему народу, которое переросло статью Crosby и стоило мне большого труда. Надеюсь, что я кончу ее дня через два. Мне хотелось высказать мое много раз и очень добросовестно проверенное впечатление о Шекспире, совершенно противоположное установившемуся» [1; Т. 88, С. 309].

Однако «дня через два» закончить статью не удалось, исследование все расширялось. 14 ноября 1903 г. Толстой записывает в дневнике: «Все время был занят Шекспиром, который все разрастался, кажется, пришел к концу» [1; Т. 54, С. 193]. 24 ноября: «Все копаюсь с предисловиями и к Шекспиру и к Гаррисону» [1; Т. 54, С. 196].

О том, с какой основательностью и серьёзностью Толстой отнёсся к «предисловию», говорит объем подготовительных материалов. В архиве Толстого сохранилось 1177 (!) листов рукописей, относящихся к сравнительно небольшой статье, занимающей в книге чуть более 50 страниц. В библиотеке Ясной Поляны хранятся тома Шекспира на русском и английском языках с пометками великого старца, которые до сих пор толком не изучены.

Очень показательны его слова из письма к искусствоведу В. В. Стасову 9 октября 1903 года: «Мне нужно было высказать то, что сидело во мне полстолетия» [1; Т. 74, С. 202]. Становится понятно, что мнение о Шекспире у Толстого сформировалось уже давно, но он не решался высказать его на протяжении целого полувека из-за того, что оно было диаметрально противоположно общепринятому. (Стоит отметить, что в те годы Владимир Стасов работал в Публичной библиотеке Санкт-Петербурга и, как мог, помогал Толстому с подбором литературы. Например, он прислал ему одну из книг Макса Нордау, где в статье о драме Шиллера «Дон-Карлос» содержались и критические отзывы о Шекспире.) В том же письме к Стасову от 9 октября 1903 г., Толстой кратко определил основную идею статьи: «Дело не в

аристократизме Шекспира, а в извращении, посредством восхваления нехудожественных произведений, эстетического вкуса».

Летом 1905 года Толстой согласился напечатать свой критический очерк в виде предисловия к новому, иностранному изданию названной работы Кросби, по просьбе последнего. Перевод статьи «О Шекспире и о драме» на английский язык Толстой поручил своему другу и помощнику Владимиру Черткову. Первая публикация статьи на русском языке появилась в газете «Русское слово», затем издана брошюрой в 1907 г. [1; Т. 35; С. 216-272].

Обратимся непосредственно к тексту статьи. С первых же страниц Толстой раскрывает свое видение, свой неординарный взгляд на произведения великого английского автора. Приведем достаточно обширную выдержку, в которой полно и ярко выражены и причины появления очерка и его суть.

«Несогласие мое с установившимся о Шекспире мнением не есть последствие случайного настроения или легкомысленного отношения к предмету, а есть результат многократных, в продолжение многих лет упорных попыток согласования своего взгляда с установившимися на Шекспира взглядами всех образованных людей христианского мира.

Помню то удивленье, которое я испытал при первом чтении Шекспира. Я ожидал получить большое эстетическое наслаждение. Но, прочтя одно за другим считающиеся лучшими его произведения: «Короля Лира», «Ромео и Юлию», «Гамлета», «Макбета», я не только не испытал наслаждения, но почувствовал неотразимое отвращение, скуку и недоумение о том, я ли безумен, находя ничтожными и прямо дурными произведения, которые считаются верхом совершенства всем образованным миром, или безумно то значение, которое приписывается этим образованным миром произведениям Шекспира.

Недоумение мое усиливалось тем, что я всегда живо чувствовал красоты поэзии во всех ее формах; почему же признанные всем миром за гениальные художественные произведения сочинения Шекспира не только не нравились мне, но были мне отвратительны? Долго я не верил себе и в продолжение пятидесяти лет по нескольку раз принимался, проверяя себя, читать Шекспира во всех возможных видах: и по-русски, и по-английски, и по-немецки в переводе Шлегеля, как мне советовали; читал по нескольку раз и драмы, и комедии, и хроники и безошибочно испытывал все то же: отвращение, скуку и недоумение. Сейчас, перед писанием этой статьи, 75-летним стариком, желая еще раз проверить себя, я вновь прочел всего Шекспира от «Лира», «Гамлета», «Отелло» до хроник Генрихов, «Троила и Крессиды», «Бури» и «Цимбелина» и с еще большей силой испытал то же чувство, но уже не недоумения, а твердого, несомненного убеждения в том, что та непрекаемая слава великого, гениального писателя, которой пользуется Шекспир и которая заставляет писателей нашего времени подражать ему, а читателей и зрителей, извращая свое эстетическое и этическое понимание, отыскивать в нем несуществующее достоинство, есть великое зло, как и всякая неправда.

Хотя я и знаю, что большинство людей так верят в величие Шекспира, что, прочтя это мое суждение, не допустят даже возможности его справедливости и не обратят на него никакого внимания, я все-таки постараюсь, как умею, показать, почему я полагаю, что Шекспир не может быть признаваем не только великим, гениальным, но даже самым посредственным сочинителем.

Возьму для этого одну из наиболее восхваляемых драм Шекспира – «Короля Лира», в восторженном восхвалении которой сходится большинство критиков».

Далее Толстой переходит многостороннему и в то же время пронизанному уничтожающей иронией анализу указанной пьесы. В разборе её недостатков Толстой резок и иногда излишне субъективен. Не вижу смысла

пересказывать толстовский текст, поскольку он не так уж объемнен и его стоит прочитать целиком.

Отмечу лишь несколько важных моментов. Не видя у Шекспира эстетических достоинств, Толстой задает вопрос: «Но, может быть, высота мирозерцания Шекспира такова, что, если он и не удовлетворяет требованиям эстетики, он открывает нам такое новое и важное для людей мирозерцание, что в виду важности этого открываемого им мирозерцания становятся незаметны все его недостатки, как художника?». Для ответа на этот вопрос Толстой выдвигает необходимые критерии.

«Достоинства всякого поэтического произведения определяются тремя свойствами:

1) Содержанием произведения: чем содержание значительнее, то есть важнее для жизни людской, тем произведение выше.

2) Внешней красотой, достигаемой техникой, соответственной роду искусства. Так, в драматическом искусстве техникой будет: верный, соответствующий характерам лиц, язык, естественная и вместе с тем трогательная завязка, правильное ведение сцен, проявления и развития чувства и чувство меры во всем изображаемом.

3) Искренностью, то есть тем, чтобы автор сам живо чувствовал изображаемое им. Без этого условия не может быть никакого произведения искусства, так как сущность искусства состоит в заражении воспринимающего произведение искусства чувством автора».

И здесь флагман английской драматургии полностью разочаровывает Толстого: «Содержание пьес Шекспира ...есть самое низменное, пошлое мирозерцание».

Справедливости ради нужно отметить, что Толстой положительно относился к некоторым сторонам художественного мастерства Шекспира. Правда, все эти свидетельства устные, записанные его женой Софьей Толстой, музыкантом Александром Гольденвейзером, артистом Тимофеем Селивановым. Наиболее высоко

ценил Толстой умение Шекспира выражать движение чувств. В этом Шекспир, по мнению Толстого, «был великий мастер». Также писатель не отрицал, что Шекспир «умел в своих драмах особенно хорошо вести сцены, в которых выражались движения чувств». Сцена Лира с дочерьми, «когда он колеблется между гневом, гордостью, сознанием своей слабости, надеждой на Регану и готовящимся отчаянием, есть образец этого мастерства».

Как достоинство Шекспира Толстой отмечает его умение восклицаниями, жестами, повторением слов выражать душевное состояние, благодаря чему драмы Шекспира на сцене «имели преимущество перед драмами не только своих сверстников, но и теперь имеют преимущество перед современными драмами». Толстой видит «очень ярко очерченные характеры» (Лира, леди Макбет, Отелло, Яго и особенно Фальстафа), хотя в то же время признает, что характеры этих лиц в новеллах и старинных драмах даны сильнее и ярче, чем у Шекспира.

Например, в объемистой пачке черновиков статьи «О Шекспире и о драме» есть такие строки, не попавшие в печатную редакцию, (речь идет о сцене радостной встречи Лира с некогда отвергнутой им младшей дочерью).

«Чтение это, - писал Толстой, - вызвало во мне совсем особенное чувство: у меня защипало в носу, выступили слезы, и мне стало умилительно-радостно, и я больше ничего не могу сказать, как то, что сцена эта меня трогает, что это прекрасно, что это то, что принято называть искусством, поэзией». Однако это относилось отнюдь не к шекспировскому тексту, а лишь к старинной драме, использованной английским драматургом в качестве источника и, по убеждению Толстого, испорченной им.

Достоинством пьес Шекспира Толстой признавал «драматическое положение лиц», которое «является в самой сильной степени в драме Лира». Но приводит Шекспир свои лица к этому положению, как указывает Толстой, «произвольно».

Признаёт Толстой и «умные речи», которые Шекспир вкладывает в уста своих героев (монолог Лира о

наказании, Гамлета о жизни и смерти, речь Антония над трупом Кесаря и др.). «Хороши иногда целые речи, иногда только изречения»; «хороши меткость и смелость речей и изречений...». Но, повторю, все эти позитивные качества шекспировских текстов отмечены близко знавшими его людьми, но сам он, ни в указанной статье, ни в более ранних работах о таких качествах не упоминает вовсе.

К концу XIX и началу XX веков слава Шекспира уже была всемирной. Он был общепризнанным гением, чьи произведения переводились не только на европейские языки, но уже и на весьма экзотические. В англоязычном мире он был объявлен самым выдающимся писателем всех времен. Пьесы драматурга ставились на театральных подмостках всех континентов, от Лондона до Рио-де-Жанейро и от Парижа до Токио. Сотни ученых и литераторов денно и нощно скрипели перьями, переводили тонны бумаги, пытаясь превзойти друг друга в восхвалении горячо обожаемого Барда. Для обозначения неумеренного поклонения Шекспиру был введен термин «bardolatry» - «бардопоклонство».

Потому можно представить, сколь шокирующим был эффект, произведенный появлением толстовской статьи, в которой безжалостно критикуются и гениальные, как многим казалось, совершенные пьесы Шекспира, и особенно «шекспиромания». Если бы автор подобной статьи был какой-нибудь средней руки беллетрист, мало бы кто обратил на нее внимания, списав все на дешёвый эпатаж и желание хоть чем-то выделиться. Но автор был уже при жизни признанным гением и не менее известным в мире писателем, чем Шекспир. Не заметить такую неординарную публикацию было невозможно.

Самые нетерпеливые «бардопоклонники» нацарапали какие-то робкие возмущенные статейки в газетах, нечто вроде «да как он смеет покушаться на нашего дорогого...» Но русские и европейские интеллектуалы застыли в недоумении. Ведь если попытаться защитить Шекспира от критики неистового пророка, то может статься, что через какое-то время мнение Толстого станет общепринятым и

такая «защита» будет выглядеть нелепо. А если сразу согласиться с Толстым, то... Короче говоря, никому не хотелось оказаться в дураках.

Но все же не все маститые авторы стыдливо промолчали. В самой Англии работу Толстого поддержал не кто-нибудь, а известнейший писатель Джордж Бернард Шоу. Именно он в 1901 году придумал и ввел в оборот словечко «bardolatry». По его мнению, Шекспир был занимательным, но все же второразрядным автором, так как не создал ни новой морали, ни оригинальных религиозных основ, а пользовался уже готовой моралью. Шоу делал лишь одно исключение из своего неприятия шекспировского творчества - трагедию «Гамлет», ибо только в ней он находил неизбежную философскую основу. По его мнению, это «единственная пьеса... в которой Шекспир сделал попытку изобразить героя, не удовлетворенного готовой моралью», благодаря чему «эта пьеса явилась наивысшим выражением его гения».

Солидарность Шоу с Толстым не была безоговорочной. Он все же не мог оставить без внимания слишком уж резкое отрицание художественных достоинств шекспировских пьес. Отдавая должное их удивительно мощному языку, Шоу полагал, что восприимчивость русского писателя наткнулась на ту «силу, преградой которой является национальность и которая не достигает Толстого так же, как русская поэзия не может достигнуть меня». Именно недостаточное погружение в языковую стихию стало причиной глухоты Толстого и к шекспировскому юмору. «Что совершенно ускользает от Толстого, полагал Шоу, - это громадный юмор Шекспира. Шекспир всегда играет словами, иногда глупо, иногда неприлично, но всегда с великим наслаждением нагромождает слова и швыряется ими, - нечто вроде оркестра, производящего то бурные, то веселые эффекты даже тогда, когда слова ничего не выражают, кроме напыщенной декламации».

Несмотря на многочисленные замечания по поводу частных языковых особенностей шекспировского канона,

Шоу согласен с Толстым по многим пунктам. «После критики Толстого, - предсказывал он, - Шекспир, как мыслитель, должен пасть, ибо при проверке его таким гигантски смелым критиком и реалистом, как Толстой, он не выдержит и мгновения подобного испытания». В одном из писем к В. Черткову Шоу уточнял свою позицию: «Частным образом я не боюсь высказываться свободно о том, в чем, по-моему, Толстой ошибается. Но я хочу, чтобы для публики было вполне ясно, что я на стороне Толстого и что я приписываю большое значение и авторитетность всякому его мнению. Он, несомненно, является одним из пророков наших времен (я употребляю это слово в его правильном, библейском смысле), и, хотя я могу - будучи своего рода пророком - расходиться с ним в том или другом взгляде, все же необходимо, чтобы было вполне определенное, хотя бы и ценой несколько менее значительных недоразумений, что я на стороне пророков против журналистов».

Еще одним английским автором, который попытался осмыслить необычную точку зрения великого русского романиста стал Джордж Оруэлл (настоящее имя - Эрик Артур Блэр), автор известных романов-антиутопий. Он одинаково уважительно относился как к Толстому, так и к достойному английской литературы. 30 апреля 1941 года он выступил в радиопередаче на Би-Би-Си с лекцией «Границы искусства и пропаганды», где упомянул о толстовском очерке. Поскольку тема заинтересовала и аудиторию, и редакторов, Оруэлл уже через неделю, к 7 мая (в России отмечался День Радио) подготовил статью «Толстой и Шекспир». Понятно, что толстовская критика затронула национальные чувства Оруэлла. Он искренне посчитал, что Толстой в своем очерке «хотел показать, что Шекспир - отнюдь не великий писатель, каким его считают, а, напротив, совсем никудышный сочинитель, один из самых недостойных и отвратительных сочинителей в мире. Статья вызвала взрыв негодования, однако, насколько мне известно, никто не сумел сколько-нибудь убедительно ответить Толстому. Больше того, я

попытаюсь доказать, что на статью в целом вообще невозможно ответить». Странная логика: Оруэлл все же пытается ответить на статью, на которую «вообще невозможно ответить». К чести Оруэлла, отмечу, что он не бросился сломя голову защищать наследие Барда и во многом признал правоту русского классика: «...в целом Толстой прав. Шекспир - отнюдь не мыслитель, и историки литературы, уверяющие, что Шекспир был одним из величайших философов в мире, порют вздор. Его идеи представляют собой мешанину из всякой всячины.<...> Заявления, будто Шекспир был глубоким мыслителем, развивающим оригинальную и стройную философию в безукоризненных с технической стороны и полных тонких психологических наблюдений пьесах, просто смехотворны».

Как видим, здесь позиция Оруэлла практически совпадает с мнением Бернарда Шоу. Эта солидарность английских классиков с Толстым принесла хорошие плоды, отбив, наконец, охоту у псевдоученых сочинять толстые тома о тонкости и глубине мнимой шекспировской философии, то есть искать в тёмной комнате чёрную кошку, которой к тому же там нет.

Далее в своей статье Оруэлл также идет по стопам Шоу, пеняя графу, что «многое в текстах он понял неправильно, поскольку не проник в чужой язык». Он стремится отдать должное и Толстому, и Шекспиру, пытаясь объяснить самому себе и своим слушателям все за и против. «Толстой разбирает не Шекспира-художника, а Шекспира-мыслителя и проповедника и при таком подходе легко ниспровергает его. Однако толстовская критика не достигает цели, Шекспир оказался неуязвим. И его известность, и наслаждение, которое мы получаем от его пьес, нисколько не пострадали».

Удивительно, но коллизия двух гигантов мировой литературы не давала покоя Оруэллу еще шесть лет. Он понимал, что его выступление на радио было слишком поверхностным и неубедительным, и предпринимает ещё одну попытку. В марте 1947 года он публикует в

лондонском журнале «Polemic» новую, более обширную статью под названием «Лир, Толстой и шут» («Leag, Tolstoy and the Fool»). Но и в ней Оруэлл ничего нового не смог сказать. Похоже, он посчитал недостаточно выполненной свою задачу по защите великих английских пьес. С помощью подробного анализа он пытается донести до читателя ограниченность толстовской критики.

Вновь следуют пассажи о языке, обращение к авторитету Шоу: «Те, кому особенно дорог Шекспир, ценят, прежде всего, его язык, ту «музыку слов», которую даже Бернард Шоу, другой недоброжелатель Шекспира, признает «неотразимой». Толстой ее не замечает и, кажется, не сознает, что стихи могут иметь особую ценность для тех, на чьем языке они написаны». За неимением лучших аргументов Оруэлл скатывается к неуклюжим развернутым метафорам, намекая, что-де к преклонным годам Толстой стал брюзгливым и раздражительным стариком. Оруэллу мнится, что Толстому «не хватает выдержки, когда он имеет дело с таким хаотичным, увлеченным мелкими подробностями и непоследовательным автором, как Шекспир. Его реакция похожа на реакцию раздраженного старика, которого тербит непоседливый ребёнок: «Что ты вертишься? Неужели ты не можешь посидеть тихо, как я?» Старик по-своему прав, но, вот беда, у ребёнка есть та резвость, которую старик утратил». При этом Оруэлл игнорирует тот факт, что отрицательное отношение к Шекспиру сформировалось у Толстого еще в молодые годы, или, если пользоваться оруэлловским выражением, когда граф был «непоседливым ребенком».

Увлечшись разбором толстовской критики знаменитой пьесы, слишком сосредоточившись на не такой уж необходимой апологии Шекспира, Оруэлл не воспринял глубину заключительной части эссе, в которой Толстой уже формулирует выводы, к которым он пришел в течение многолетних попыток понять причины беспримерной популярности Барда.

«Ведь если бы про Шекспира писали, - рассуждает в финале своего очерка Толстой, - что он для своего времени был хороший сочинитель, что он недурно владел стихом, был умный актёр и хороший режиссёр, если бы оценка эта была хотя бы неверная и несколько преувеличенная, но была бы умеренная, люди молодых поколений могли бы оставаться свободными от влияния шекспиромании. Но когда всякому вступающему в жизнь молодому человеку в наше время представляется как образец нравственного совершенства не религиозные, не нравственные учителя человечества, а прежде всего Шекспир, про которого решено и передается, как непререкаемая истина, учеными людьми от поколения к поколению, что это величайший поэт и величайший учитель мира, не может молодой человек остаться свободным от этого вредного влияния.

Читая или слушая Шекспира, вопрос для него уже не в том, чтобы оценить то, что он читает; оценка уже сделана. *Вопрос не в том, хорош или дурен Шекспир* (курсив мой – А. Б.), вопрос только в том, в чем та необыкновенная и эстетическая и этическая красота, о которой внушено ему учеными, уважаемыми им людьми, и которой он не видит и не чувствует. И он, делая усилия над собой и извращая свое эстетическое и этическое чувство, старается согласиться с царствующим мнением. Он уже не верит себе, а тому, что говорят ученые, уважаемые им люди (я испытал все это). Читая же критические разборы драм и выписки из них с объяснительными комментариями, ему начинает казаться, что он испытывает нечто подобное художественному впечатлению. И чем дольше это продолжается, тем более извращается его эстетическое и этическое чувство. Он перестает уже непосредственно и ясно отличать истинно художественное от искусственного подражания искусству.

Главное же то, что, усвоив то безнравственное миросозерцание, которое проникает все произведения Шекспира, он теряет способность различения доброго от злого. И ложь возвеличения ничтожного, не

художественного и не только не нравственного, но прямо безнравственного писателя делает свое губительное дело.

Поэтому-то я и думаю, что чем скорее люди освободятся от ложного восхваления Шекспира, тем это будет лучше».

Всем литературоведам ясно, что «очерк» о Шекспире был задуман Толстым как иллюстрация к его программной статье «Что такое искусство?» (1898). Кому-то максималистские взгляды графа на искусство близки, кому-то, в частности Х. Блуму, кажется, что обе статьи – его полное мировоззренческое «фиаско» и заблуждение. Но ясно, что Толстой призывает человечество не «создавать себе кумиров», как бы привлекательны и занимательны они ни были, и указывает на такие высокие ориентиры в творчестве, достижение которых требует от художника поистине титанических усилий. Эти пики творчества столь высоки, что многие писатели не только не решаются на восхождение, но даже не понимают о чем идет речь. Например, Оруэллу кажется, что «при определенных условиях неглубокие мысли и сомнительная мораль могут быть хорошим искусством». Вижу, как седовласый граф недовольно поморщился, затем взглянул сверху вниз на вихрастого английского публициста и снисходительно улыбнулся.

Литература

1. Толстой, Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. / Л. Н. Толстой. - М. : Гос. изд-во худож. лит., 1928-1958.
2. Блум, Х. Шекспир как центр канона. Глава из книги «Западный канон» / Х. Блум // Иностранная лит. – 1998. - № 12.
3. Брейтбург, С. Шоу в споре с Толстым о Шекспире / С. Брейтбург // Литературное наследство. – 1939. – Т. 37/38 : Л. Н. Толстой. – С. 617-632.
4. Оруэлл, Д. «1984» и эссе разных лет / Д. Оруэлл. – М. : Прогресс, 1989. - С. 247-262.
5. Оруэлл, Д. Лир, Толстой и шут / Д. Оруэлл // Звезда. - 1990. - № 3. - С. 169-177.

Лев Николаевич Толстой и кинематограф

Люкшинова В. Д., литератор, краевед

Толстой принадлежит всем.

Госиро Мифуне

И выдающийся японский актёр прав. Это подтверждает к творчеству писателя не только читатели, но и кинематографистов.

Уже на заре появления десятой музы, как называют иногда кино, она проявила заинтересованность в прозе и драматургии Толстого. До революции были сняты фильмы по многим рассказам писателя, его драмам и даже по романам - «Воскресение», «Анна Каренина», «Война и мир».

Киноведы называют среди шедевров русского немого кино «Отца Сергия» режиссёра Якова Протазанова с гениальным Иваном Мозжухиным в главной роли.

Новое советское кино началось тоже с постановки фильма по Толстому. Это был «Поликушка» Санина и Желябужского с не менее гениальным Иваном Москвиным.

В 20-30-е г.г. снимались фильмы по произведениям Толстого и за рубежом: в Японии, Германии, США. После второй мировой войны интерес к творчеству Толстого у кинематографистов возобновился с новой силой.

Экранизаций толстовских произведений очень много, а время наше ограничено, поэтому мы ограничимся киноверсиями его романов.

«Анна Каренина» - самый экранизируемый роман в мире. 16 фильмов разных режиссёров. Впервые роман получил экранную жизнь в 1914 г. Это был немой фильм режиссёра Владимира Гардина. Над фильмом работали художник Иван Кавалеридзе, оператор Александр Левицкий. В главной роли снялась Зоя Баранцевич.

В 1918 г. венгерский реж. Гараш Мартон снял фильм «Анна Каренина».

В 1935 г. появилась американская версия фильма «Анна Каренина» режиссёра Брауна Кларенса. В роли

Вронского снялся Фредрик Марч. В 1936 г. появляется фильм «Анна Каренина» с Гретой Гарбо.

В 1948 г. во Франции Жюльен Дювивье снял фильм «Анна Каренина» с Вивьен Ли в главной роли.

В 1953 г. появился телеспектакль «Анна Каренина» режиссёра Татьяны Лукашевич. Главные роли исполнили Алла Тарасова и Павел Масальский (Вронский).

3-серийная американская версия романа «Анна Каренина» снята студией «Коламбия пикчерз». В роли Карениной - Жаклин Биссет.

Затем появилась «Анна Каренина», где Анну сыграла Софи Марсо, а Вронского Шон Бин.

На сегодня лучшей экранизацией романа является фильм Александра Зархи с Татьяной Самойловой, Василием Лановым и Николаем Гриценко в главных ролях. Самойловой удалось, по признанию критиков, передать очарование Анны, глубину её внутреннего мира, драматизм судьбы. Музыка к этому фильму написал Родион Щедрин.

В 2009 г. свой вариант «Анна Каренина» представил режиссёр Сергей Соловьев. Он снимал свою картину 15 лет. Когда 5-серийная телеверсия фильма вышла на первом канале, многих актеров, снявшихся в сериале, уже не было в живых (Олег Янковский-Каренин, Александр Абдулов - Стива Облонский). Анну сыграла Татьяна Друбич. Вронского - Ярослав Бойко. По сравнению с фильмом «Анна Каренина» Зархи соловьевская лента выглядела бледно, анемично, не украсила и фильм и финальная натуралистичная сцена.

Самая свежая экранизация «Анна Каренина» вышла в 2012 г., роль Анны сыграла известная английская актриса Кира Найтли.

Другой роман писателя «Воскресение» также экранизировался не раз. В 1915 г. в немом фильме Катюшу Маслову сыграла Наталья Лисенко, жена И. Мозжухина. В 1927 г. в американском фильме роль Катюши исполнила мексиканская актриса Долорес дель Рио.

В 1960-62 г.г. вышел 2-серийный фильм Михаила Швейцера «Воскресение», где Катюшу Маслову играла молодая актриса Тамара Семёнова, а князя Нехлюдова - Евгений Матвеев. Музыка фильму написал Георгий Свиридов. Фильм считается одним из выдающихся произведений советского кино.

Но, конечно, самая интересная история связана с переносом на экран романа-эпопеи «Война и мир». Немая версия романа длилась всего 12 минут. Трудно представить, что это был за фильм. Но по отзывам критиков того времени он вызывал в зрительном зале одобрительные возгласы. Фильм «Война и мир» поставил в 1909 г. режиссёр Владимир Гардин. В 1915 г. появляется новый фильм режиссёров Якова Протазанова и Владимира Гардина. Наташу Ростову играла звезда немого кино Вера Коралли. Оператором фильма был Александр Левицкий.

В 1956 г. на экраны мира вышел 2-серийный итало-американский фильм «Война и мир» режиссёра Кинга Видора. В одном из интервью он сказал: «Льва Толстого я считаю величайшим из когда-либо живших писателей, а его роман «Война и мир» лучшей книгой мировой литературы. Моё долгое общение с мыслью Толстого во время работы над экранизацией этого произведения явилось, несомненно, самым памятным впечатлением моей жизни». В фильме снимались голливудские звёзды того времени Одри Хепбёрн (Наташа), Мел Феррер (Болконский), Генри Фонда (Пьер), Анита Экберг (Элен), итальянская звезда Витторио Гассман (Курагин). Музыка к фильму написал знаменитый итальянский композитор Нино Рота. Сценарий создал итальянский писатель Марио Солдати. Одри Хепбёрн великолепно сыграла Наташу Ростову. Фильм был снят менее чем за год. Он получил премии на кинофестивалях в Сан-Себастьяне и Карловых Варах.

Только после этого отечественные кинематографисты решились на экранизацию романа, после прочтения которого французский писатель Флобер восторженно воскликнул: «Это - Шекспир, это Шекспир!».

Сергей Бондарчук в статье «Читая бессмертную эпопею» написал в 1978 году: «...перед нами был относительно свежий опыт американских кинематографистов, сделавших свой, тоже небольшой по метражу фильм «Война и мир» с добрыми намерениями, но с не очень точным ощущением русской жизни - того народного существования, тех национальных примет действительности, которые на чей-то взгляд вроде бы и не являлся очень уж принципиальным, но если их нет, то с этими приметами уходит, пропадает нечто драгоценное, словом не выразимое, то, что составляет в приметы всей в целом русской культуры, русской души».

Перед Бондарчуком стояла сложнейшая задача - изложить кинематографическим языком 1% тыс. стр. литературного текста - и какого! Он писал: «Мы шли - или, по крайней мере, стремились идти - не по поверхности событий, описываемых Толстым. Мы ставили своей задачей внедриться в их суть - в их значение для жизни народа, всей страны».

Фильм был задуман как 4-серийный. С. Бондарчук и Василий Соловьёв писали сценарий с большим включением литературного текста. В результате был создан 250-страничный режиссёрский сценарий будущего фильма. Фильм замыслился как грандиозная киноэпопея. Это была самая дорогая постановка в советском кино: бюджет фильма более 8 миллионов советских рублей. Общий метраж серий 9000 м, время показа 6 часов. Фильм снимался одновременно в трёх вариантах - обычном, широкоэкранном и широкоформатном стереофоническом.

Тщательная подготовительная работа позволила сделать фильм, который можно назвать великим. Главным оператором фильма «Война и мир» стал Анатолий Петрицкий. Для написания музыки планировались Д. Шостакович, Г. Свиридов, А. Хачатурян. Но Бондарчук выбрал молодого композитора Вячеслава Овчинникова, ранее написавшего музыку к «Иванову детству» Тарковского.

Также тщательно отбирались исполнители 30 главных ролей. На роль Наташи Ростовой пробовались Наталья Фатеева, Анастасия Вергинская, Людмила Гурченко. Но режиссёр остановил свой выбор на молодой выпускнице Ленинградского балетного училища Людмиле Савельевой, у которой отсутствие опыта с лихвой компенсировалось искренностью, естественностью, непосредственностью.

Вместо Смоктуновского, Стриженова Болконским стал в фильме актёр Вячеслав Тихонов.

Несколько известных артистов пробовались на роль Пьера, но после долгих раздумий режиссёр принял решение играть эту роль самому. Он понимал, что его герой - своеобразный стержень произведения. Режиссёр сам читает авторский текст за кадром.

7 сентября 1962 года - начало съёмок фильма, сцена расстрела у стен Новодевичьего монастыря, которая вошла в 4-ую серию. В фильме более 300 озвученных персонажей, даже на эпизодические роли приглашались известные актёры (Аксиньюшка - Н. Мордюкова). Фильм снимали почти 7 лет, 3 года - только военные сцены, в 6 раз дольше, чем шла война 1812 года.

Первая серия - «Андрей Болконский» посвящена этому важному персонажу романа. «Особенно я люблю эпизод, где герой видит старый дуб, чудесно преображённый приходом весны», - говорил Бондарчук. Кстати, этот эпизод снимался в Ясной Поляне, как и встреча князя Андрея и Наташи в Отрадном, сцена охоты, святочные катания, проход Андрея и Пьера по аллее.

Вторая серия называлась «Наташа Ростова».

Третья «1812 год» - центральная часть серии - Бородинская битва, которую снимали недалеко от города Дорогобужа на старой смоленской дороге. Искусные руки сапёров построили там Семёновскую деревню, Бородинскую церковь, батарею Раевского и Багратионовы флеши. Руководство Советской Армии выделило 15000 человек пехоты, сформировало кавалерийский полк в 950 сабель. Группе были приданы строительный, санитарный

батальоны, понтонные части, амфибии. Походные электростанции, вертолёты, самолёты.

Во время съёмок Бородинского сражения было использовано 23 т. пороха, взрывались 15000 ручных дымовых гранат, 2000 шашек и 30000 кг дымной смеси затмили солнце, адский грохот 15000 электрозалпов, 1500 снарядов слился в звуковую симфонию действия. А от залпов современной артиллерии, спрятанной на заднем плане, содрогаясь, стонала земля. В Бородинском сражении на протяжении 2 месяцев снимались 20000 статистов. А во всех 4 сериях снялось 120000 статистов. Над фильмом работала почти вся страна - 4 предприятия, было сшито 9000 костюмов, сделано 12000 киверов, кирас, одних пуговиц 200000. Монетные дворы Ленинграда и Москвы изготовили точные копии русских и французских орденов и медалей, значков, воссоздавались комплекты артиллерийской упряжи, пики, обувь, зарядные ящики, телеги, сбруя, специальное трюковое оружие, позволявшее избегать во время съёмок несчастных случаев.

Оператор Анатолий Петрицкий рассказывал, как снималась Бородинская битва: «С точки зрения организации эпизода наиболее интересной была панорама «центрального сражения», снимавшаяся непрерывно одним большим куском с тележки, двигавшейся по длинной более чем 200 м эстакаде. В конце эстакады был установлен поворотный круг, на котором камера разворачивалась на 180 градусов и возвращалась назад, продолжая вести съёмку в направлении, противоположном начальному. Снята панорама была за один день. Мы успели сделать 4 дубля».

4 серия «Пьер Безухов» выражает итог философских поисков, составляющих суть всего жизненного и нравственного существования любимого толстовского героя в романе. «Да, пожалуй, здесь стержень всего романа в целом, как и стержень нашей киноэпопеи», - писал С. Бондарчук.

Чего же стоил фильм его постановщику? За время работы над фильмом «Война и мир» у режиссёра случилось две клинические смерти. Фильм снимался на отечественной не очень качественной плёнке, что приводило к большому количеству брака, приходилось переснимать многие эпизоды несколько раз. В 45 лет у Бондарчука первая клиническая смерть от перенапряжения во время съёмок, съёмки фильма были приостановлены на несколько месяцев, пока режиссёр приходил в себя. Затем после срочного монтирования первых двух серий для показа на Московском международном кинофестивале - вторая клиническая смерть. Последняя часть фильма вышла на экраны в 1968 году. В 1965 году 2 первые серии фильма были удостоены большого приза Московского кинофестиваля, а в 1968 году фильм Бондарчука впервые в истории кино получил премию американской киноакадемии Оскар как лучший иностранный фильм.

В нашей стране фильм посмотрели 135 млн. человек, сбор от проката составил 58 млн. рублей. Фильм «Война и мир» был продан в десятки стран, где демонстрировался с большим успехом.

В 1978 году Сергей Бондарчук писал: «Труд, вложенный актёрами, всем постановочным коллективом в создание экранной версии фильма «Война и мир», от первого до последнего дня нашей работы над фильмом, был освящён нашей беспредельной любовью ко Льву Николаевичу Толстому, целиком был посвящён одной цели - как можно глубже и если можно полнее, доверчивее отдаться течению его мысли. Раскрытой им правде русской народной жизни».

Объективную и профессиональную оценку работе нашего кинематографа по освоению творческого наследия нашего великого земляка дал японский киновед Тадао Урю: «Война и мир» Сергея Бондарчука, «Анна Каренина» Александра Зархи, «Воскресение» Михаила Швейцера дали возможность кинематографу встать вровень с его величеством литературой».

Литература

1. Кино : энциклопедический словарь / гл. ред. С. И. Юткевич. – М. : Сов. энцикл., 1987. – 640 с. : ил.
2. Когда фильм прошёл по экранам : «Война и мир» // Искусство кино. – 1968. - № 1.
3. Гуральник, У. Постигание эпоса : «Война и мир» / У. Гуральник. // Искусство кино. – 1965. - № 8.
4. Лев Толстой и кинематограф : к 150-летию со дня рождения писателя // Искусство кино. – 1978. - № 9.
5. Соловьев С. Новой Анной Карениной вижу Юлю Снегирь / С. Соловьев // Слобода. – 2013. – 3 апр.

Музыка в Ясной Поляне

Кашникова А., Лебедева Т., Мухомудинова Т., Мясищева М., Коваленко Н., воспитанницы творческого объединения «Созвездие муз» МБОУ ДОД «Дворец детского (юношеского) творчества»
Науч. рук. Садовская Н. В., педагог дополнительного образования

Поляна Ясная. Ограда.
Дубы столетние. Сады.
Ныряет облако, не глядя,
В хрестоматейные пруды.
Пройдет экскурсия.
И снова
В усадьбе старой никого.
Повсюду здесь не тень
Толстого,
А свет негаснувший его.
Фёдор Востриков

В нашем Тульском крае есть уникальный уголок Ясная Поляна, известное всему миру. Здесь жил и творил свои произведения выдающийся русский писатель, философ-гуманист Лев Николаевич Толстой. При жизни писателя Ясная Поляна являлась духовным центром в России. Сюда съезжались писатели, художники, музыканты. На протяжении всей своей долгой жизни Толстой любил искусство и особенно – музыку. Сам Лев Николаевич по воспоминаниям близких людей говорил: «люблю музыку больше всех других искусств». В яснополянском доме всегда звучала музыка, и многие

современники писателя прозвали тот дом «музыкальной шкатулкой».

Первые музыкальные впечатления Л. Н. Толстого связаны с образом матери Марии Николаевны Волконской. Она рано умерла, когда Лёвушке не было и двух лет. Писатель сохранил свои воспоминания об её игре на фортепиано, которые мы находим в автобиографическом произведении «Детство»: «...Давно знакомые звуки пьесы, которую играла мама, производили во мне впечатление сладкое и вместе с тем тревожное. Она играла Патетическую сонату Бетховена... Сдержанный, величавый, но беспокойный мотив интродукции, который как будто боится высказаться, заставлял меня притаить дыхание. Чем прекраснее, сложнее музыкальная фраза, тем сильнее делается чувство страха, чтобы что-нибудь не нарушило этой красоты, и тем сильнее чувство радости, когда фраза разрешается гармонически». Кстати, вся семья будущего писателя была музыкальна: отец, мать, тётки Льва Николаевича. А, например, его дед – князь Н. С. Волконский, гуляя по парку, любил слушать оркестровую музыку.

Серьёзно заниматься музыкой Л. Н. Толстой начал в шестнадцать лет, во время учёбы в Казанском университете. Неудовлетворённый обучением он его бросает и решает заняться самообразованием, в котором важное место отводит изучению музыки. Он ежедневно упражняется на фортепиано, читает теоретические труды по искусству. Помимо игры на рояле, Лев Николаевич учится играть на духовом инструменте – флейте.

Толстой считал, что музыка оказывает сильное влияние на человека. Он пишет: «Часто музыка делала на меня до слез сильное впечатление, так что если бы тогда кто-нибудь научил меня смотреть на музыку, как на цель, как на самостоятельное наслаждение, а не средство прельщать девиц быстротой и чувствительностью своей игры, может быть, я бы сделался действительно порядочным музыкантом».

Лев Николаевич возвращается в Ясную Поляну, где продолжает заниматься музыкой. Серьезное отношение к изучению музыкального искусства нашло отражение в его дневниковых записях. Так, например, в дневнике он составляет для себя правила «по части музыки»: «Ежедневно играть: 1) все 24 гаммы, 2) все аккорды, арпеджио на две октавы, 3) все обращения, 4) хроматическую гамму, - учить одну пьесу и до тех пор не идти дальше, пока не будет места, где будешь останавливаться...».

После участия в Севастопольских сражениях и поездок за границу, Толстой решает обстоятельно обосноваться в Ясной Поляне. В 1862 году он женится на Софье Андреевне Берс. Но и в семейной жизни Толстого музыка продолжает оставаться на главном месте. Лев Николаевич с женой часто играли в четыре руки произведения выдающихся классиков – Моцарта, Гайдна, Бетховена и др. Сестра Софьи Андреевны, Татьяна Андреевна Кузминская, часто гостившая в Ясной Поляне, прекрасно пела. Толстой любил слушать её пение и сам аккомпанировал певице, называя её «наша мадам Виардо».

О музыкальных вечерах в доме Толстых сохранились воспоминания русского художника И. В. Репина: «Около девяти часов вечера все взрослые устраивают самые разнообразные развлечения. Литературное чтение – читает, большею частью, сам Лев Николаевич, читает он хорошо... Или пение – аккомпанирует чаще всего сам Лев Николаевич, с большим тактом помогая певице... Молодёжь, дети и племянницы Льва Николаевича составляют из себя часто целый цыганский хор».

А сын писателя, в будущем профессиональный пианист и композитор, преподаватель Московской консерватории, Сергей Львович писал: «Бывало, когда мы, дети, ложились спать, отец садился за фортепиано и играл до двенадцати часов ночи, иногда в четыре руки с матерью».

Сам Толстой увлекался музыкой так сильно, что играл по 3-4 часа в день. Эта любовь к музыке отобразилась и в его творчестве. Во многих литературных произведениях есть «музыкальные места», где описываются те или иные музыкальные впечатления героев. Например, в романе «Анна Каренина»: «Вронский вошел в театр в разгар действия. Его слух уловил «осторожный аккомпанемент стаккато оркестра и одного женского голоса, который отчетливо выговаривал музыкальную фразу...».

Интересно, что во время написания этого произведения Толстой знакомится с П. И. Чайковским и с его музыкой, которую до этого никогда не слышал. После знакомства с письмом, Чайковский приглашает в качестве почетного слушателя Толстого на свой концерт камерной музыки, где исполнялись романсы и инструментальные произведения. Из Ясной Поляны Толстой пишет: «Я никогда не получал такой дорогой для меня награды за мои литературные труды, как этот чудный вечер...». А композитор вспоминает: «Может быть, ни разу в жизни я не был польщен и тронут в своем авторском самолюбии, как когда Лев Николаевич Толстой, слушая *Andante* и сидя рядом со мной, залился слезами».

Более того, писатель в свои литературные творения вводит музыку, как самостоятельное действующее лицо. Он пишет повесть «Крейцера соната», взяв за основу впечатления от известного произведения для скрипки и фортепиано немецкого композитора Л. В. Бетховена и само название. В Ясной Поляне «Крейцерову» сонату очень часто исполнял замечательный скрипач Ипполит Михайлович Нагорнов, имевший в то время большой успех в Италии и Франции.

Главным критерием в музыке Л. Н. Толстой считал простоту и ясность, выражая своё отношение такими словами: «Музыка – это стенография чувств».

В доме Толстых размещалась богатая библиотека, где были собраны и нотные издания лучших музыкальных произведений. Нам захотелось узнать, какую музыку любил слушать и исполнять великий писатель. В книге

воспоминаний А. Б. Гольденвейзера мы обнаружили список любимых музыкальных произведений Льва Николаевича, по объему охватывающий музыку нескольких веков - с конца XVIII до начала XX столетий. В этом списке есть старинные пьесы мастеров клавирной игры: Джона Буля, Пересела, Куперена, Рамо, Скарлатти, Генделя, Баха. Также мы видим в списке фортепианные сонаты Гайдна и Моцарта, Бетховена, среди которых ему очень нравились «Патетическая», соч. 13, «Лунная», соч. 27, «Аппассионата», соч. 57 и соната до-минор соч. 111.

Помимо этого писатель любил Экспромты и Музыкальные моменты Ф. Шуберта, «Приглашение к танцам» К. Вебера, «Песни без слов» и «Рондо-каприччиозо» Ф. Мендельсона, «Карнавал», «Арабески» Р. Шумана и другие. Музыцируя в четыре руки на фортепиано с родными и близкими ему по духу людьми, хозяин Ясной Поляны любил исполнять, а позже слушать такие музыкальные шедевры, как симфонии И. Гайдна, В. Моцарта, Л. Бетховена; увертюры к операм и переложения для фортепиано опер (особенно Моцарта «Дон Жуан», К. Вебера «Фрейшютц» или «Волшебный стрелок», «Оберон» и др.)

В этом списке мы нашли и любимые вокальные произведения писателя: романсы и песни зарубежных композиторов В. Моцарта, Л. Бетховена, Р. Шумана, Э. Грига. Из русских композиторов ему нравились романсы М. И Глинки, П. И. Чайковского, А. С. Аренского. Последний часто приезжал в Ясную Поляну и исполнял свои произведения великому писателю. В этом списке мы нашли и любимые произведения скрипичной музыки, среди которых произведения, особое место занимали сонаты для скрипки и фортепиано Людвиг ван Бетховена (ми-бимоль-мажор, фа-мажор, соль-мажор соч. 30 и «Крейцера» соната).

Любимыми композиторами писателя были три зарубежных композитора: Моцарт, Бетховен, Шопен. Самым любимым являлся польский музыкант Фредерик Шопен, о котором Лев Николаевич говорил: «Шопен в

музыке то же, что Пушкин в поэзии». Знаменательно, что последнюю музыку, которую слышал писатель незадолго до своей смерти, были произведения Ф. Шопена, исполненные А. Б. Гольденвейзером 20 октября 1910 года в Ясной поляне. Из русских композиторов Толстой выделял Антона Степановича Аренского, чьи произведения с удовольствием слушал в авторском исполнении он в своём Яснополянском доме.

На протяжении многих лет к писателю приезжали многие музыканты, исполняли свои и лучшие произведения композиторов-классиков, а также знакомили с новинками музыкальной жизни. Помимо русских композиторов и исполнителей в Ясной Поляне дважды побывала знаменитая клавишница мира Ванда Ландовска. Гастролируя по всей Европе, она дала концерт и в России. После выступления в Москве, Ванда специально приехала в Ясную Поляну со своим старинным инструментом. Восхищенная музыкальной обстановкой в Ясной Поляне и преклоняясь перед гением Толстого, она оставила свои воспоминания, которые были опубликованы в зарубежной прессе. «...В канун сочельника, - рассказывает пианистка, - мы приехали на станцию Щекино. Сани, присланные за нами, уже ожидали нас. До усадьбы надо было проехать десяток верст. Погода была ужасная, настоящая русская - зимняя: морозная вьюга и снежная метель во всей своей прелести. На одни сани был поставлен мой клавесин, на другие - сели мы. Нас закутали в присланные любезно графом и графиней шубы; но, невзирая на это, мы, благодаря 30-градусному морозу, прибыли в усадьбу достаточно промерзшими. Когда мы тронулись в путь со станции, вьюга закрутила такая, что санями правил не кучер, а лошади, хорошо знавшие дорогу. Проплутав несколько часов, они привезли нас, в конце концов, к дому великого писателя. Жажда узреть великого человека была так могуча, а обаятельный прием, который нас встретил, был так пленительно очарователен, что впечатления от опасного путешествия быстро рассеялись».

В первой поездке Ванда Ландовска в Ясной Поляне провела 5 дней. «В 12 часов утра мы собирались все к завтраку. Часа полтора я играла, а после того Толстой уходил в кабинет работать. После обеда я принималась снова за игру - часов в 7 вечера и продолжала играть до 11 1/2 часов. Так проходил каждый день».

После услышанной игры на клавесине Толстой поделился своими впечатлениями: «Музыка этих композиторов уносит меня в другой мир... Я закрываю глаза, и мне кажется, что я живу в давно протекших столетиях, далеко ушедших от меня, хотя я уже перешагнул за восьмой десяток».

После первого приезда в декабре 1907 г., Ландовска приезжает в Ясную Поляну второй раз в январе 1909 года, где исполняла не только старинную музыку, но и любимые писателем произведения Ф. Шопена. «Мне приходилось играть Толстому по 5 часов, не переставая. И когда я высказывала опасение, что музыка может повлиять на его нервы, Толстой возражал мне, что, напротив, классики действуют успокоительно». В Ясной Поляне, по ее словам, культ музыки стоит очень высоко.

Мало кто знает, что Лев Николаевич Толстой писал не только литературные произведения, но и пробовал сочинять музыку. До сегодняшнего дня сохранился Вальс, написанный им в молодости. 12 февраля 1906 года композитор Сергей Иванович Танеев и пианист Александр Борисович Гольденвейзер записали его нотами в Ясной Поляне. Впоследствии вальс был переведён на валик фонографа – первого звукозаписывающего устройства, который из-за океана специально привезли как подарок американским изобретателем Эдисоном в знак особого почитания и преклонения перед талантом великого человека – Л. Н. Толстого.

Подводя итог, нужно отметить, что музыка в Ясной Поляне играла важную роль не только в жизни и творчестве писателя, его семьи и окружения, но и в духовной и культурной жизни России.

Литература

1. Андреева, Э. А. Музыка Льва Толстого / Э. А. Андреева. – Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2003. – 161 с. : ил. – (Страницы минувшего).

2. Зверев, А. М. Лев Толстой / А. М. Зверев, В. А. Туниманов. – 2-е изд. – М. : Мол. гвардия, 2007. – 782 с. – (Жизнь замечательных людей : сер. биограф ; вып. 1088).

3. Лев Толстой и музыка : хроника, нотография, библиография / сост. : З. Г. Палюх, А. В. Прохорова. – М. : Сов. композитор, 1977. – 327 с. : ил.

Нравственная чистота Марьи Болконской (по роману Л. Н. Толстого «Война и мир»)

*Осюшкина А., обучающаяся МБОУ
«СОШ № 20»*

*Науч. рук. Иванова Е. В., учитель
русского языка и литературы*

Это – именно то строгое, серьезное лицо, которое должно торжественно вынести на себе идею романа из хаоса его подробностей ... дать всему смысл и значение.

П. В. Анненков

Нравственный идеал - это совершенная личность, которая воплощает в себе лучшие моральные, нравственные качества и является образцом для подражания. Прежде всего, это открытое, искреннее сердце, которое никогда не ищет выгоды и благодарности. Ведь как гласит библейская мудрость: «Правая рука не должна смотреть, что делает левая». Во-вторых, этот образ должен обладать чувством нравственной ответственности перед окружающими людьми, и не только перед близкими и любимыми, но и просто перед прохожими. Он всегда готов прийти на помощь, не ожидая просьб, так как в современном мире слишком много людей, нуждающихся в сочувствии и сострадании. Думаю, нравственный идеал должен обладать чувством собственного достоинства. Одним словом, это должен быть человек безупречной порядочности.

Всем этим требованиям соответствует образ княжны Марьи Болконской из романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир».

В книге Н. Долининой «По страницам «Войны и мира» я наткнулась на следующую мысль: «Все девушки, читающие «Войну и мир», всегда влюблены в Наташу, всем хочется быть, как она, все льстят себя надеждой, что хоть частица Наташи есть в них, - это правда, конечно, есть; в каждой молодой, жаждущей жизни, любви и счастья девушке живет Наташа Ростова. Никто не хочет быть, как княжна Марья, с ее некрасивостью и тяжелой поступью, с ее добротой и смирением, с ее жалостью к людям». Мне именно образ Марьи Болконской показался ближе, роднее. Я полюбила ее за безграничную душевную светлость с евангельским смирением, способность к высокой, настоящей, неискусственной любви, за то, что рядом с ней «испорченные светской жизнью» люди становятся лучше, чище, светлее.

Марья Болконская — один из самых сложных образов в романе. Героиня не привлекает нас внешней красотой: «некрасивое, слабое тело», «худое, некрасивое, болезненное лицо», «всегда грустные глаза», «испуганное выражение, которое редко покидало ее». Однако глубокие, лучистые, большие глаза княжны, освещающая все лицо ее внутренним светом, делают ее «привлекательнее красоты». В глазах этих отражается вся духовная жизнь Марьи, богатство ее внутреннего мира.

Княжна принадлежит к старому уважаемому роду, в котором уже давно сформированы жизненные ценности, устой, традиции. И разве могла она вырасти иной, воспитываясь в семье, где «есть только две добродетели: деятельность и ум»? Строгий, суровый князь Николай Андреевич, отец княжны, неизменно требователен и даже резок, он эгоистичен, порой нетерпим в отношениях с дочерью, но вместе с тем умен, трудолюбив, патриотичен, у него свои «вековые» понятия о чести и долге. На их основе он и воспитывает дочь: княжна Марья неплохо образованна, отец дает ей уроки алгебры и геометрии, вся жизнь ее распределена «в непрерывных занятиях».

А какие теплые, трепетные отношения княжны с братом, Андреем Болконским. Когда он с беременной

женой приехал в Лысые Горы, «послышался крик и звуки поцелуев». «Князь Андрей поцеловался с сестрою рука в руку. Сквозь слезы любовный, теплый и кроткий взгляд ее прекрасных в ту минуту, больших лучистых глаз остановился на лице брата». А как трогателен момент прощания брата и сестры. «Я тебя благословлю образом. Против твоей воли он спасет и помилует тебя, и обратит к себе, потому что в нем одном и истина и успокоение», - сказала она дрожащим от волнения голосом, держа в обеих руках перед братом овальный старинный образок спасителя с черным ликом, в серебряной ризе, на серебряной цепочке». Провожая брата на войну, княжна перекрестилась, поцеловала образок и подала его Андрею. И он понял, перекрестился и поцеловал образок, подаренный сестрой Машей (как ее называет князь Болконский). Заметно, что старший брат ей доверяет, поддерживает ее, потому что этой искренней девушке нельзя не верить. Святая вера в высшие силы справедливости вызывает уважение.

В атмосфере «правильности», «господствующего разума» и сформировался характер героини. В жизни ее нет упорядоченности и педантизма. Она открыта и естественна. В противоположность резкости и нетерпимости Николая Андреевича Марья добра и милосердна, терпелива и снисходительна в отношениях с окружающими.

Княжна лишена хитрости, расчетливости, кокетства, свойственного светским барышням. Она искренна и бескорытна. Марья безропотно подчиняется жизненным обстоятельствам, видя в этом Божью волю. Героиня даже смирилась с вечным контролем отца над ее перепиской с «подругой» Жюли Курагиной:

«Еще два письма пропущу, а третье прочту, - строго говорит князь, отдавая ей письмо, - боюсь, много вздору пишете».

Как ясно видны в этих письмах обе девушки: искренне неискренняя Жюли, каждое слово которой как будто продиктовано Анной Павловной Шерер и проверено

княгиней Друбеской, и чистая, умная, естественная в каждой фразе княжна Марья.

«Милый и бесценный друг, какая страшная и ужасная вещь разлука!.. я не могу подавить некоторую скрытную грусть, которую испытываю в глубине сердца...» Так начинается свое письмо Жюли. Читая роман, мы видели ее, видели ее кокетство, ее улыбки, и никакой грусти в ней не было заметно. Княжна принимает каждое слово подруги всерьез, за чистую монету, но в ответе ее – при том, что он написан почти теми же словами, что письмо Жюли, – в ответе ее виден совсем другой человек. В ее письме все – правда. Некрасивая одинокая девушка заперта в деревне с глупой компаньонкой-француженкой и деспотичным, хотя и любящим отцом, – но она жалеет и утешает Жюли.

Ее религия – не пустые речи Анны Павловны о Боге. Бог княжны Марьи – это, прежде всего, справедливость, служение своим близким, ее вера – это, прежде всего, требовательность к себе самой, хотя всем другим она прощает слабости, но себе – никогда. Удивительно, что княжна умеет судить, сдерживать и ломать себя, искать именно в себе причины неудач. Какое ценное качество. Так часто нам его не хватает.

Ее сердце готово ко всем чувствам, какие дано испытать человеку: одиночеству, разлуке, разочарованию, потере близкого человека – и она испытывает их. Меня поражает, насколько чист, светел душевный мир княжны. И разве за это она не достойна уважения? Достояна! И еще какого.

Вместе с тем всем существом своим она жаждет простого человеческого счастья. «В помышлениях о браке княжне Марье мечталось и семейное счастье, и дети, но главною, сильнейшею и затаенною ее мечтой была любовь земная».

И вот у героини появляется некая надежда в момент, когда Анатолий Курагин с отцом приезжают в Лысые Горы для того, чтобы посвататься к ней. Но, к сожалению, княжна совершенно не знает Анатолия — он кажется ей достойным человеком. Перед ней, на её взгляд, «красивое,

открытое лицо человека, который, может быть, будет ее мужем. Он ей казался добр, храбр, решителен, мужествен и великодушен. Княжна была убеждена в этом. Тысячи мечтаний о будущей семейной жизни беспрестанно возникали в ее воображении». Однако «жених» приехал не с благими намерениями: его планы оказались корыстны и циничны. Он всего лишь хочет жениться на богатой наследнице и ни о каких глубоких чувствах речь совсем не идет. «Бедняга! Чертовски дурна», - думал в это время про неё Анатолий». Но он, не раздумывая, женился бы, если бы она не отказала. Женился бы на имении и деньгах ее отца, не утруждая себя сомнениями. Умный и проницательный старый князь Болконский сразу же открывает истинную натуру Курагина. Оскорбляют достоинство и «пылкие взгляды» Анатолия на m-lle Bourienne. Думаю, что старый князь еще и втайне испугался расстаться с послушной дочерью, жизнь без которой, как мне кажется, для него невыносима. Так, мечтам героини о личном счастье пока не суждено сбыться.

Когда старый князь долгие дни лежал в беспомощности, взгляды на жизнь Марьи Болконской резко стали меняться. Старик больше не мог руководить дочерью. Еще несколько дней назад княжна, замирая от страха, решила нарушить волю отца и не уехала в Москву вместе с Николенькой. Она боялась оставить батюшку одного – и, как мне кажется, он был доволен ее решением, хотя кричал на нее и не велел показываться на глаза. «Но теперь, во время болезни отца, она должна отвечать за него так же, как он всю жизнь отвечал за нее», - пишет в своей книге Наталья Долинина. Марья Болконская ужасается тому, что происходит в ее душе, и мучается, и стыдится, и не может перебороть себя. Неужели она не любит отца, если ей приходят мысли о его кончине? Безусловно, любит. И еще больше, чем когда-либо любила, и «никогда ей так жалко не было, так страшно не было потерять его».

Княжна Марья – в своем горе, в терзаниях совести, в страхе за отца... «Она не могла ничего понимать, ни о чем

думать и ничего чувствовать, кроме своей страстной любви к отцу, любви, которой, ей казалось, она не знала до этой минуты». А отец умирает. Но умерло только его тело, а душа старого князя Болконского осталась жить: «...он будет жить в дочери, - конечно, она не может сейчас этого понять, об этом думать». Так пишет Наталья Долинина. Так думаю и я. В это время и проснулся в ней нрав отца, и не удивительно, что княжна думала теперь «не своими мыслями, но чувствуя себя обязанной думать за себя мыслями своего отца и брата... Требования жизни, которые она считала уничтоженными со смертью отца, вдруг с новой, еще неизвестной силой возникли перед княжной Марьей и охватили её». И в то время, когда пришло время покинуть Богучарово, все чувства Болконской выливаются в быструю, решительную деятельность, как это было у её отца. Но ехать нельзя: «дикие» богучаровские мужики не выпускают княжну, оставаясь под властью французов, чтобы только не потерять свое добро. И обидно читать те страницы, где княжна Марья от всего сердца хочет помочь крестьянам, отдать им свой хлеб – она чувствует, что отец и брат сделали бы то же самое, - а крестьяне не понимают ее, видят лишь хитрость в искреннем желании делать добро.

Николай Ростов явился как спаситель в трудный час ее жизни, «совершил подвиг» и вошел в её судьбу. Она, навсегда «беззащитная, убегая горем девушка, одна, оставленная на произвол грубых, бунтующих мужиков! И какая-то странная судьба натолкнула меня сюда!» – думал Ростов, слушая ее робкий рассказ. - И какая кротость, благородство в ее чертах и в выражении!» У Николая слезы стояли на глазах. А княжна заметила это и благодарно посмотрела на него тем своим лучистым взглядом, который заставлял забывать некрасивость ее лица». Заметно, что чувства Николая очень искренни, в отличие от Анатоля Курагина, не испытывающего к ней ни тени любви, ведь она показалась ему удивительно безобразной. Именно Ростов увидел все богатство и красоту ее души. «Николай не мог желать жены лучше

княжны». Сам того не зная, он ждал женщины, живущей духовной жизнью. Княжна Марья, возникнув на его военной дороге, оказалась именно такой женщиной.

Но ничего этого не было бы, будь старый князь жив и здоров. Никогда крестьяне не осмелились бы спорить с ним, не было бы ни бунта, ни спасения. Ростов купил бы у Алпатыча сено и уехал, даже не увидев княжну Марью, да, наверно, старый князь встретил бы Николая надменно и презрительно, как брата той, которая оскорбила князя Андрея. Теперь все произошло иначе – и получается, что смерть старого князя на самом деле помогла встретиться Болконской со своей судьбой.

А Николаю Ростову и в голову не приходило, что это любовь. «При упоминании о княжне Марье Ростов испытывал непонятное для него самого чувство застенчивости, даже страха». Он преобразился от встречи с княжной: Николай обдумывал свою жизнь, он «с несвойственной ему проникательной наблюдательностью замечал все оттенки характера княжны Марьи...» Но в то же время он оставался собой.

В жизни княжны были еще и последние встречи с братом. Она приехала к Ростовым по трудной объездной дороге, где могли встретиться французы, и привезла ребенка – семилетнего Николушку. Она удивляла спутников своей «твердостью духа и деятельностью»: они не знали, что в эти дни опасного переезда и тревоги за брата в ней проснулся нрав отца. Старый князь недаром воспитывал дочь, она вовсе не так беззащитна и беспомощна, как ему думалось. Он не узнал, что дочь его выросла сильной женщиной. Она не отходила от умирающего Андрея последние часы его жизни, как и не отходила от отца перед смертью. И они с Наташей плакали «не от своего личного горя, а от таинства смерти, совершившегося перед ними».

И вот прошло восемь лет с тех пор, как умер старый князь и погиб его сын Андрей. Уже семь лет, как княжна Марья Болконская стала графиней Марьей Ростовой. Все изменилось в Лысых Горах: и дом, и сад, и поместье. Все

заново отстроено после войны. «Семья Ростовых крепка потому, что основана на постоянной духовной работе графини Марьи, на том, что ее вечное душевное напряжение, имеющее целью только нравственное добро детей, восхищает и удивляет Николая», - рассуждает Н. Долинина. Николай не переставал гордиться своей женой, радуясь, «что она с своей душой не только принадлежала ему, но составляла часть его самого». А графиня Марья «чувствовала покорную, нежную любовь к этому человеку, который никогда не поймет всего того, что она понимает». Она женщина и мать, ее главная забота – семья, и она старается сохранить свои отношения с мужем, если даже для этого приходится «кривить душой», но ни в коей мере не обманывать. Княжна Марья — прекрасная мать. Думая о нравственном, духовном воспитании детей, она ведет дневник, записывая все примечательные эпизоды детской жизни, отмечая особенности характеров своих детей. А как заботливо относилась Марья к своему племяннику, оставшемуся без родителей. Как она беспокоится за него, думая: «Он вечно один со своими мыслями». Она буквально заменила ему мать, хотя это кажется невозможным. Но она заботится не только об уюте и комфорте в доме, но, прежде всего, об особой духовной атмосфере в семье.

Марья Болконская... Она привлекает меня своей искренностью, благородством, сложным внутренним миром, понять который дано далеко не всем. Она привлекает меня своей нравственной чистотой.

Прототипом княжны Марьи была мать Толстого. Писатель не помнил матери, даже портреты ее не сохранились, но в своем воображении он создал ее духовный облик. «Я молился ее душе»,- говорил Толстой, и эта молитва всегда помогала ему. Создавая образ княжны Марьи, Толстой думал о матери... Наверное, поэтому образ княжны Марьи получился таким трогательным, таким незабываемым.

Это очень нежная и искренняя натура, на которую мне хочется быть похожей. Это мой нравственный идеал! Это мой эталон подражания!

Литература

1. Долинина, Н. Г. По страницам «Войны и мира» / Н. Г. Долинина. – Л. : Дет. лит., 1978.
2. Толстой, Л. Н. Война и мир : роман-эпопея / Л. Н. Толстой. – М. : Правда, 1987.

Нравственная и философская проблематика романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»

Кулешиова И., обучающаяся МБОУ «СОШ № 20»

Науч. рук. Зелинская Л. В., учитель русского языка и литературы

Мне отмщение, и аз воздам*

В романе «Анна Каренина» Л. Н. Толстой выступает не только как великий художник, но и как философ-моралист и социальный реформатор. Он ставит «в романе ряд вопросов, которые волновали его в эпоху, когда в России «всё переверотилось» и только начинало укладываться. Среди этих вопросов два особенно привлекали внимание Толстого: вопрос о положении женщины в семье и обществе и вопрос о роли в стране дворянского класса и его перспективах. Меня заинтересовал первый вопрос, а именно положение женщины в России в XIX веке на примере главной героини Анны Карениной.

Выдвинутая вначале тема семьи оказалась взаимосвязанной с общественными, социальными, философскими вопросами — произведение постепенно разрослось до крупного социального романа, в котором писатель отразил современную ему жизнь. Для нашего времени завязка проста, даже банальна. Замужняя женщина, мать восьмилетнего ребенка, увлекается блестящим офицером. Но все просто лишь на первый взгляд.

Мне понравилась Анна Каренина тем, что она непосредственная женщина, живущая чувством. Но

трагизм её положения и судьбы было бы неправильно объяснять только непосредственностью её натуры. Он лежит глубже - в условиях той социальной среды, которая обрекла женщину на общественное презрение и одиночество. А что такого ужасного она сделала? Всего лишь хотела быть счастливой женщиной, рядом с человеком, которого любит. Но общество возненавидело ее за выбор, который она сделала. Оставить мужа и полностью отдаться любви, не скрывая этого. Анна своим поступком бросила вызов морали и устоям того времени. Она идет по уготованному ей пути, страдая и мучаясь. В единый узел противоречий сплелись любовь к оставленному сыну, страсть к Вронскому, все чувства, все эмоции давят на нее с огромной силой. И Анна, к сожалению, не в силах решить эти проблемы.

Отношения с мужем у Анны с течением времени становились все хуже и хуже. Она сравнивает Каренина с бездушным механизмом, называет его «злой машиной». Он все чувства проверяет нормами, установленными государством и церковью, страдает от измены жены, но как-то своеобразно, хочет «отряхнуться от той грязи, которую она забрызгала его в своем падении, и продолжать идти по своему пути деятельной, честной и полезной жизни». И у меня сразу возникал вопрос: «А любил ли вообще Каренин Анну?» Он живет умом, а не сердцем. Именно его рациональность подсказывает путь жестокого отмщения Анне. Алексей Александрович разлучает ее с горячо любимым сыном Сережей. Даже если Каренин хотел сделать больно своей жене, задумывался ли он над тем, какие страдания причиняет собственному сыну таким поступком?

Разговаривая с женой брата, Анна признается: «Ты пойми, что я люблю, кажется, равно, но обоих больше себя, два существа — Сережу и Алексея. Только эти два существа я люблю, и одно исключает другое. Я не могу их соединить, а это мне одно нужно. А если этого нет, то все равно. Все, все равно...». Она отчаялась, ей приходилось делать выбор, который вел ее к пропасти.

Мне отмщение, и аз воздам*

Из Библии (церковно-славянский текст). Перевод: На мне лежит отмщение, и оно придет от меня (т.е.: отмщение не для человеческого суда).

Встречается в Ветхом Завете (Пятая книга Моисеева) и Новом Завете (Послание к Римлянам апостола Павла, гл. 12, ст. 19): «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь».

Этот текст Л. Н. Толстой использовал в качестве эпиграфа к роману «Анна Каренина».

Алексей Вронский - второй из главных героев романа. Это - один из наиболее блестящих представителей светских кругов России своего времени. «Страшно богат, красив, большие связи, флигель-адъютант, и вместе с тем - очень милый, добрый малый. Но более, чем просто добрый малый... он и образован, и очень умён» - так характеризует Вронского Стива Облонский. Граф Вронский ведёт образ жизни, типичный для молодого, обеспеченного аристократа. Он служит в одном из гвардейских полков, очень любим товарищами и во всём разделяет взгляды и привычки своей аристократической среды. Полюбив же Анну, Вронский понял, как дурно жил он прежде, понял, что он обязан изменить обычный уклад своей жизни. Жертвуя честолюбием и свободой, он выходит в отставку, расстаётся с привычной светской средой и начинает искать новые формы жизни. Моральная перестройка Вронского, однако, так и не привела его к выходу, который дал бы ему полное жизненное спокойствие и удовлетворение. Возможно, если бы он чуть больше понимал Анну, помогал ей, все кончилось не так трагично. Но как бы Вронский не пытался, ему никогда не понять чувств женщины, потерявшей сына и уважение общества.

Анна понимала, что для Вронского недостаточно одной страстной любви. Он человек «общества». Ему хочется быть полезным, добиваться чинов и видного положения. Тихая же семейная жизнь не для него. Ради

этого человека и его честолюбивых планов она пожертвовала всем: покоем, положением в обществе, сыном... И что получила взамен на свою жертву? Лишь боль и отчаянье. Анна понимает, что сама себя загнала в тупик. Единственный способ избавиться от проблем – уйти из жизни. В ней сломали сильную личность, смелую женщину, которая пошла против всех. Анна была уверена в том, что приносила страдания. Вопрос только в том, до, или после своей смерти.

Писатель еще в эпитафии: «Мне отмщение и аз воздам» заявил, что его героиню судить не светским ханжам, а Творцу. В романе эта мысль не раз подтверждается. Старая тетка Анны говорит в разговоре с Долли: «Их будет судить Бог, а не мы». Один из друзей в разговоре с матерью Вронского утверждает: «Не нам судить, графиня». Таким образом, Л. Н. Толстой противопоставил государственной и религиозной законности и светской морали, утверждавшим «зло, ложь и обман», мудрость библейского изречения, взятого для эпитафии.

Сам того не желая, Л. Н. Толстой вынес суровый приговор обществу с его лживой ханжеской моралью, доведшей Анну до самоубийства. В этом обществе нет места искренним чувствам, а лишь установленным правилам, которые можно обойти, но скрываясь, обманывая всех и себя. Искреннего, любящего человека общество отторгает, как инородное тело. Л. Н. Толстой осуждает такое общество и установленные им законы. Я думаю, что каждый, читая роман, проводил параллели со своей жизнью.

С момента написания прошло почти 150 лет, а проблемы в обществе остаются прежними.